

Андрей Арсланович Мансуров

Разрешенная фантастика – 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19525571

Аннотация

Я хочу выразить свою искреннюю благодарность Редакторам Журналов, Альманахов и фэнзинов: «Космопорт», «МирФантастики», «Фантаскоп», «Знание – сила», «Наша гавань», «Полдень 21 век», «Иерофанта.нет», «Астра Нова», «Млечный путь», «Эдита», «Метаморфозы», «Журнал Великороссъ», и многих других – за то, что они любезно разрешили мне произведения, впервые опубликованные на страницах их изданий, (под этим ли именем, или под псевдонимом) опубликовать теперь и в личных Сборниках – этом и последующих.

Разумеется, темы, которые поднимаются в них, не столь социально остры и неоднозначны, как в сборниках «Запрещённая фантастика 1 и 2», и в них несколько меньше юмора, чем в сборниках «Ироничная фантастика 1 и 2». Однако, смею надеяться, что содержание произведений, включённых в них, достаточно интересно и оригинально.

Впрочем, тот факт, что они уже опубликованы, свидетельствует сам за себя.

Так что желаю Вам приятного чтения.

Спасибо.

Мансуров Андрей.

Разрешённая фантастика – 1.

Сборник.

Предисловие автора.

Я хочу выразить свою искреннюю благодарность Редакторам Журналов, Альманахов и фэнзинов: «Космопорт», «МирФантастики», «Фантаскоп», «Знание – сила», «Наша гавань», «Полдень 21 век», «Иерофанта.нет», «Астра Нова», «Млечный путь», «Эдита», «Метаморфозы», «Журнал Великороссъ», и многих других – за то, что они любезно разрешили мне произведения, впервые опубликованные на страницах их изданий, (под этим ли именем, или под псевдонимом) опубликовать теперь и в личных Сборниках – этом и последующих.

Разумеется, темы, которые поднимаются в них, не столь социально остры и неоднозначны, как в сборниках «Запрещённая фантастика 1 и 2», и в них несколько меньше юмора, чем в сборниках «Ироничная фантастика 1 и 2». Однако, смею надеяться, что содержание произведений, включённых в них, достаточно интересно и оригинально.

Впрочем, тот факт, что они уже опубликованы, свидетельствует сам за себя.

Так что желаю Вам приятного чтения.

Спасибо.

1. Искупление.
2. Другое солнце.
3. Тоннельные.
4. Рождённый для Ночи.
5. Госпожа Нагайна.
6. Подлинная история взятия города Царьграда дружиной славного князя Олега.

1.Искупление.

Рассказ.

Сознание вернулось рывком.

Только что он не видел, не ощущал и не осознавал ничего – и вот: словно щёлкнули переключателем! Он видит, слышит, чувствует!..

Ну, чувствовать, осознавать себя, и предаваться абстрактным размышлениям много не пришлось: автопилот включил тормозные дюзы, и он жёстко плюхнулся прямо на крышу какого-то здания. Так. Вот – вход на лестницу! Вперёд! И – вниз!

Сознание не сопротивлялось пока инстинктам – не то природным, не то вложенными кем-то – и мысли, крутившиеся на уровне подсознания «Кто я?! Что здесь делаю?! Где

я был до этого, и что делал?!..» не мешали ногам бежать, а голове – вертеться в поисках врагов.

А, вот они! Добро пожаловать на закуску к синьору Гатлингу!

Ж-ж-ж-ж!... У-у-у-у-р-р-р!..

Звук вращающихся стволов, и отдача вызвали сразу массу эмоций и ассоциаций!

Дикий восторг от сознания своей силы, упоение всепоглощающим шквалом огневой мощи пулемёта! Море адреналина, затопившее слабые попытки сознания разобраться, что и зачем он делает – девятым валом чистой радости от зрелища взрывающихся фонтанами крови тел чёртовых врагов!

Убедившись, что последний из нападавших буквально перерезан пополам, он двинулся в начало коридора. Сенсоры кругового обзора однозначно указывали, что живых и движущихся объектов на этом этаже уже нет. Но всё равно – нужно убедиться визуально. Мало ли...

Он начал с левой комнаты коридора. Дверь заперта? Будет отперта! Удар! Стальная нога чуть подзастряла – он не рассчитал силу удара, и деревянная дверь оказалась пробита насквозь у замка! Вперёд! Так, никого... Следующая комната – справа. Удар!..

– Внимание, третий. Доложите обстановку! – голос звучал чётко, без помех, так, словно раздавался прямо у него в мозгу. Сознание ещё не сообразило, кто это – третий, а некто

собранный и деловитый уже докладывал его голосом:

– Первый, я третий. Нахожусь на верхнем этаже. Выполняю миссию в соответствии с Программой. Восемь террористов убиты. Произвожу контрольный осмотр и зачистку территории.

– Внимание, третий! Изменение Программы. На Объекте – не террористы, а наркоторговцы. Приоритетный поиск – склады наркотиков и оборудование для их производства!

Что-то снова щёлкнуло у него в... Мозгу?.. Но зрение сразу дополнилось возникшей немного в стороне от центра поля зрения полупрозрачной картинкой: столбик газоанализатора.

Так, показатель уровня наркотических веществ не нулевой, но довольно слабый. Он продолжил осмотр, бросая в каждом помещении внутренний взор ещё и на голубой столбик. Нет. Нет. Ага, повышается!

В предпоследней комнате этажа, когда откинул три прозрачных полога из пластиковой плёнки, столбик взлетел к ста процентам. Сработала звуковая сигнализация. Чертыхнувшись, он мысленно приказал ей отключиться. Подошёл к столам с ретортами и химикатами.

– Внимание, первый! Говорит третий. Нашёл лабораторию. Объём нарковеществ восьмого уровня оцениваю как пятьсот сорок грамм. Седьмого – четыре с половиной килограмма. Оборудование не повреждено. Персонал... Похоже, успел эвакуироваться. – он заглянул, подсветив наплеч-

ным прожектором, в чёрную дыру с верёвочной лестницей: наверняка шахта в подвал. Но это уже не его дело, а тех, кто занимается как раз подвалом!

– Принято, третий. Высылаем группу химической зачистки. Заканчивай с верхним этажом, переходи к следующему! Второй уже там.

– Понял. Приступаю.

Последняя комната этажа тоже оказалась пуста. Вот только шкафы...

Включив гаммасканнер, он прошёлся по ним. Нет, пусто. Да и какой идиот станет пытаться спрятаться от боевого Дрона с его термосканнерами и датчиками движения! Пригнувшись, чтобы не удариться о притолоку, он вошёл на лестничный марш. Вниз!

Сверху послышался еле уловимый свист глушилки винта. Отлично, коптер уже здесь!

Спустившись, он было вскинулся – нет, ложная тревога. По коридору двигался, тоже методично вскрывая двери, второй. Он кивнул блестящей фигуре. Та кивнула в ответ.

Он занялся дверью ближайшего помещения...

Из Протоколов заседания Специальной Подкомиссии Сената по разработке Поправок к Кон-	ституции о деятельности
боевых Дронов вне	пределов Соединённых
Штатов Америки.	

«— ... сознательно раздувают так называемые борцы за «права человека»! А я утверждал, утверждаю, и всегда буду утверждать, что никакие нормы морали и гуманности не могут быть применены к тем, кто — неважно, сознательно ли, или из-за неспособности контролировать наркотрафик в собственной Стране! — продолжает допускать поступление этих веществ в Нашу Страну!

И никакие доводы не убедят меня в том, что те, кто производит эти вещества, и организует их доставку, могут быть остановлены жалкой угрозой «заклучения в тюрьму на срок от двадцати лет до пожизненного!» Такое наказание — курам на смех!

Практика показывает, что те, кто занимаются этим — выгодным, кстати, бизнесом! — никогда — повторяю: никогда! — не становятся на «путь праведный»! И их не исправить чушью вроде душеспасительных лекций в тюрьме, или даже гипнопедией!

Нет — человек, сознательно пытающийся нажиться на разрушении здоровья наших Граждан, и подрыве социальных устоев нашего Общества, заслуживает только одного наказания — смертной казни!

Это — моя принципиальная позиция, и я буду отстаивать её в городах и весях, и кричать о ней на стогах! Для меня здоровье наших с вами сограждан важнее, чем смерть пусть даже миллиона наркоторговцев!

Что же касается допустимости применения в анти-наркотических Кампаниях боевых Дронов, я категорически не согласен с мнением, высказанным здесь предыдущим докладчиком, уважаемым профессором МакКаффи: никакие другие силы и средства не позволят добиться наших целей максимально эффективно, и – что главное! – без потерь в людях!

Разве не наши люди, наши Граждане – самая ценная... э-э... ценность, которую мы, как руководители, поставленные на эти места Народом, и должны ценить превыше всего, и защищать любыми – повторяю для особо непонятливых: любыми! – средствами?!

И никто никогда не сможет убедить меня в том, что боевые Дроны – антигуманное и бесчеловечное оружие! Нет – они наши с вами... э-э... добрые защитники, спасители Отечества, Стальной Барьер, что стоит сейчас между волной насилия и беззакония, царящими в Море, и нашей Великой страной, нашим Народом!...»

(Из речи Сенатора от Алабамы Питера С. Гробовски на 46-м заседании Подкомиссии).

Сознание вернулось внезапно – словно кто-то щёлкнул переключателем: только что было темно, и вот он – свет! И свист ветра вокруг...

Включились тормозные дюзы, но посадка оказалась весьма жёсткой – пришлось присесть почти до земли. Земли?! Странно. Что, операция проводится не в жилых районах?!

Чёрт! Да ведь это – кусты и трава! А над головой... Почему небо – зелёное?!

Лишние мысли и возникшие было некстати – не то, что сомнения, но, скорее, намёки на них – прервал привычно чёткий и спокойный голос координатора:

– Внимание, третий. Даю вводную. Задача: санация базы повстанцев. Уничтожить всех боевиков и штатских. Постройки сжечь. Проконтролировать отсутствие свидетелей. Вот карта.

Возникшая как всегда чуть сбоку голубоватая карта-схема чётко показала направление и расстояние. Он развернулся и побежал в глубину непроходимой чащи...

Навстречу неслись стволы незнакомых растений и плети свисающих с них лиан. Толстые он просто обегал, сквозь тонкие, и кусты подлеска проскакивал, словно живой таран, оставляя позади кучу щепок и обломков.

Вот и база. Странно. Больше всего она похожа на самую обычную деревню – примитивные хижины: стены, сплетённые из веток и лиан, сверху крытые листьями пальм. А, собственно, чего он ждал? Надписи на плакате: «База повстанцев?» Вон: термосканнер засёк людей.

Он откинул пулемёт из гнезда. Ж-ж-ж!!! А-а-а-а!..

Бесподобно.

Когда упоительная мелодия свиста пуль и гудения вращающихся стволов затихла, он проконтролировал свой сектор. Нет, все мертвы. Из секторов два, четыре и пять ещё разда-

валась стрельба. Иногда мимо него даже свистели пули – работали, соответственно, номера два, четыре и пять.

Но вот всё стихло. Медленно он двинулся к центру деревни. Трупы, трупы. Вот полуобнажённое тело с... С чем?! Что это – копьё?! А где же – настоящее оружие?! Неужели... Не *этим* же чёртовы повстанцы собирались воевать с ними – боевыми дронами?!

А что это за... Женщина? А вот – и ещё одна. У второй на руках... ребёнок. Вернее – его остатки... Странно.

Пока он стоял, застыв в недоумении и недопонимании, с трёх остальных сторон деревни послышалось шипение – остальные уже включили огнемёты.

– Внимание, третий! Почему задерживаетесь с санацией? Приказываю начать!

Что-то опять щёлкнуло. Где-то на уровне подсознания пронёсся импульс: «Приказ Высшего Уровня!», и пальцы сами нажали на гашетку.

Всё затопило море огня.

Оно бушевало подобно урагану, ветер раздувал пламя так, что языки взлетали выше крон странных серо-фиолетовых деревьев. И вот багрово-оранжевая завеса навсегда скрыла от глаз то, что только недавно вызвало в мозгу дурацкие сомнения и вопросы...

Из материалов Заседаний Комиссии по раз-
работке внеземных природных ресурсов.

«— ... создало совершенно ненужный прецедент! Ну и как теперь нашим миссионерам убедить местное население доверять нам, и принимать «единственно верную и человеколюбивую Веру?!»

Хоть туземное население и находится фактически ещё на стадии неолита — они же не полные идиоты! Понимают теперь, чего стоят на деле наши красивые слова о «взаимовыгодном» сотрудничестве и «мирных намерениях!» А как работать заготовителям капы?! Двое уже бесследно исчезли — на сканнерах нет даже следов их личных маячков!.. А что делать поселенцам? Даже мужчины боятся выйти за Периметр!

И как теперь работать на шахте и обогатительной фабрике?! (...)

... вы хоть понимаете, что своей дурацкой «демонстрацией силы» отбросили наши отношения с туземным населением, которые мы кропотливо налаживали почти сорок лет, до уровня Кортеса и индейцев Южной Америки?! И что теперь про нас будут слагать Легенды и распространять гнусные (и не совсем лживые, кстати!) слухи! Что мы жарим и едим тела убитых, и т.п.! (...)

Что?! Ах, вы считаете, что можете, имеете моральное Право поступить, как с индейцами северной Америки?! Ничего у вас не выйдет! В своём докладе Комиссии ООН по делам туземного населения я обязательно...»

(Из речи Уполномоченного по делам аборигенов при Ад-

министрации Колонии «Рона – 3», на Совете Директоров «Интермайнинг Компани».)

Щелчок! Сознание возникло из черноты небытия стремительно! Только что он был... Нигде?!.. И вот уже – летит. Вниз?!

Зрение и альтиметр подтвердили ощущение падения.

Воздух, облака... А почему он очнулся так рано?! Ведь обычно он «приходил в себя» только перед самой посадкой! Но вот – и поверхность внизу! Тёмно-бордовые джунгли, поляны с коричневой травой. Что у него со зрением?! Он пощёлкал светофильтрами.

Нет – это реальный цвет того, что перед ним!

Автопилот включил тормозные дюзы. Треск и рывки от переломленных ветвей и разрываемых лиан сопровождали приземление. Он тяжело грохнулся оземь, правое колено на два дюйма ушло в мягкую глину. В голове снова щёлкнуло:

– Внимание, третий! Даю вводную. Задача: уничтожить оборудование базы террористов, уничтожить всех террористов, находящихся на её территории. Строения и оборудование взорвать и сжечь! Приступить!

Сбоку поля зрения вновь возникла карта. Он развернулся влево, ноги уже несли со всей возможной скоростью. Здесь пробраться оказалось полегче, чем на предыдущем Задании.

Предыдущее Задание?..

Но почему... Почему он помнит его?! Ведь они должны

стирать... (А кто эти – «они»?! Техники? Начальство?!) Или – не должны?

Как получалось, что он не помнит ничего из тех Миссий, что были у него до... До предпоследнего раза? А эти две – помнит! Как убивал террористов, которых потом переэквалифицировали в наркоторговцев... А затем – повстанцев-аборигенов!

Да! Точно! Это оказались инопланетные аборигены – недаром же небо было зелёным!

Кстати... Он бросил краткий взгляд наверх.

Сквозь узорчатые листья и необычные цветы ярко сверкало изумрудное пространство!

Проклятье! Он опять не на Земле! И – опять, похоже, предстоит убивать туземцев! Что за...

Тело, пока мысли скакали с одного на другое, между тем прекрасно двигалось вперёд, лавируя в гуще зарослей как бы само по себе. Вот и база. База?!

Да ну – какая это база!..

Посёлок, возникший перед ним вообще нельзя было называть посёлком в обычном смысле!

Ряды ям в земле, с боковыми стенками, укреплёнными камнями, похожие на обычные окопы, и крытые сверху вытянутыми овальными крышами из... из... Чёрт, он даже не имеет представления, чем это крыто сверху! Тростник? Ветки? Да и стоит ли разбираться – надо начинать зачистку!

Тем более, что вон – из зарослей выбежали второй, чет-

вёртый и пятый.

Какой-то автомат внутри него откинул руку, вываливая из гнезда на свет божий пулемёт, и уже ловит на прицел то, что мутным жёлто-красным пятном показывает термосканнер.

Огонь!

Гудение стволов и зрелище потрясающей убойной силы почему-то не вызвали сейчас привычно-радостного наслаждения симфонией смерти.

Но что-то снова щёлкнуло, и странные и непривычные мысли на какое-то время исчезли, уступив место всепоглощающему упоению от кровавой пляски града свинца на беззащитных и дёргающихся телах...

Большое строение в центре «обрабатывали» все вместе. Тут действительно имелось и кое-какое «оборудование» – сверлильные и фрезерные станки... Второй достал мины.

Здесь «навести порядок» оказалось посложней, чем в предыдущих Миссиях. Пришлось обходить каждую нору, и обследовать: в ямах оказались прорыты дополнительные ходы, иногда даже соединявшие соседние эти... Жилища?..

Они с четвёртым и пятым занялись зачисткой, второй стоял в центре, контролируя, чтобы никто не сбежал.

Вот в одном из тоннелей он её и нашёл.

До этого он как-то не придавал значения внешнему виду аборигенов – ну Цели, и Цели!..

А сейчас смог рассмотреть подробно в свете мощного термо- и прожектора.

Нет, это не человек. Даже не гуманоид! Это... Это – ящерица!

Да, больше всего странное создание похоже на ящерицу!

Но – на разумную ящерицу! Тупое пресмыкающееся не смотрело бы на него *таким* взглядом! Господи! Тут есть и мольба о жизни, и самоосознание... Но больше всего – страх. Страх неизбежной смерти! И оно понимает, что сейчас его убьют!

И это – не взрослая особь! Детёныш. Ребёнок?!..

Как она прижимает крохотные неуклюжие и ещё по-детски пухлые лапки к груди – словно просит пощадить её – маленькую и неопасную! Беспомощную. И эти глаза! Неужели у рептилий бывают такие большие и выразительные глаза?.. И это – слёзы: они катятся по чешуйчатой зелёной коже...

Убить её сейчас?

Но ведь она – ребёнок – *ребёнок!* – а не повстанец и не террорист! Что же...

Щелчок. Огненная молния прошла мозг, и отдалась в позвоночнике и пояснице!

Господи, какая боль!

Посторонние мысли как-то притухли – словно метнулись глубоко в подсознание!

О! Он – на Задании! Он – боевой Дрон! Что с ним было?! Сбой в Программе?!

– Внимание, третий! Повторите Задание!

– Уничтожить базу террористов, уничтожить всех терро-

ристов на её территории, все строения взорвать и сжечь! – кто-то в глубине его отвечал чётко, быстро, так, словно раз и навсегда затверженный урок!

– Выполнять! При повторной задержке мы вынуждены будем перезагрузить тебя!

Сволочи!.. Перезагрузку он однажды... Испытывал.

Боль адская, но сознание никак не отключается...

Повторить он не хотел бы!

Пальцы, словно обрета собственную волю, нажали гашетку...

... совершенно исключены какие-либо действия, не заданные Вводной, и не заданные в Базовую Программу!

(Из Инструкции по применению боевых дронов.)

Могучая рука толкателя отправила его в свободный полёт.

Вокруг начал свистеть воздух, тормозя падение многоцентнерного блестящего металлом тела, и нагревая его. Что за... Проклятье!

Он опять очнулся явно раньше обычного! И – помнит!..

Не помогли, значит, обещанная ему диагностика, и анти-вирусные Программы.

Ну почему, почему это происходит? И – почему это происходит с ним?! Может, дело в особенностях его Мозга? А чем таким отличается его мозг от мозгов остальных в его

Отделении? Насколько он знает – ничем! Почему же остальные...

Ни разу не очнулись так, как он. И – он сам видел! – ни разу не останавливались, снедаемые странными сомнениями во время выполнения Миссий?!

Вот и сейчас – он только-только входит в плотные слои атмосферы, и свист и сопротивление воздуха вокруг него стремительно нарастают! Разве он должен наблюдать, как работают автоматы посадки? Следить, как поворачиваются закрылки, выдвигаются аэротормоза?!

Он ведь прекрасно осознаёт теперь, что если выкажет ещё что-то похожее на сомнения или неподчинение, его отправят на Перепрограммирование! Но...

Почему произошло самое страшное: боевые гипнонавыки отделились от его... Сознания?..

Откуда у него – Сознание? Или даже – самосознание?! Ведь такое невозможно в принципе?! Или, всё же, возможно?..

Да – он помнит три предыдущих Миссии. Помнит отлично – так, словно это происходило только вчера. А ведь этого попросту не может быть! Сейчас небо – светло-фиолетовое. А до этого было изумрудным. А ещё до этого – светло-зелёным. То есть – их перевозили с одной планетной системы в другую! А такие перелёты занимают месяцев по пять!

Почему же он ничего не помнит про сами такие... перевозки, а вот выполненные Миссии – отлично?!

Сработали тормозные дюзы, в ушах прорезался голос координатора:

– Внимание, третий! Даю вводную. Уничтожить завод по изготовлению оружия, ликвидировать всех находящихся на территории, завод и оборудование взорвать и сжечь!

Карта, бег по равнине, заросшей чем-то вроде кустарника... На этот раз почему-то его высадили почти за два километра. Он всё равно пробежал их за две минуты. Но – почему?

Почему так далеко? Или... Чтобы скоординировать его действия с работой остальных?

Завод выглядел убого – если не сказать хуже. Серые бетонные плиты, составляющие его каркас, повывкрошились от времени, везде на стенах красовались ржаво-жёлтые потёки от выступившей наружу арматуры. Имелись и часовые на вышках – их он оглушил из ультразвуковой пушки.

Но здесь хоть и правда, оказалось оборудование по производству оружия! В мозгу щёлкнуло – он поморщился – а пулемёт уже выскочил из гнезда, и наполнил воздух привычным гулом от вращения шести стволов, и тихим шелестом от пуль, вылетающих через глушители...

Рабочие пытались... Сопrotивляться! Да-да! Они стреляли в них из примитивных винтовок и карабинов, которые здесь, судя по всему, и производились! Да, смешно...

Сами рабочие походили на людей почти во всём, кроме одного – всё тело, кроме лица и ладоней покрывала казавша-

яся на вид мягкой и пушистой, шерсть. Фиолетового цвета. Что, вернее – кто это?!

Он отлично теперь осознавал, что выполняет мерзкую и гнусную работу – почти убийство почти безоружных, но руки и оружие делали всё, что положено делать, как бы сами, не мешая мозгу обдумывать происходящее. И...

Ужасаться!

Во что же его превратили?!

Он – боевой Дрон! А боевой дрон, получается – убийца, и при этом – механический убийца! Неуязвимый, бронированный, оснащённый самыми совершенными и передовыми средствами обнаружения врагов, и Оружием – да, при нём были и огнёмёты, и ультразвуковые пушки, и канистры с ядами. И сверхмощная взрывчатка – ею как раз они сейчас, убив всех, и обкладывают он и его «коллеги» оборудование, и стены в расчётных местах.

Чтобы ускорить эвакуацию, их Отделение отлетело на положенные для безопасности два километра на реактивных движках. Всё равно – взрывная волна заставила всех податься на несколько шагов назад...

На этот раз он даже увидел спустившийся за ними уродливый атмосферный модуль, на котором предстояло вернуть их на Корабль! Остальные отключились сразу, а он – только тогда, когда манипулятор, схвативший за наплечные петли, аккуратно – не бережно, ни грубо – загрузил его тело в обитую пенолоном ячейку, где к его затылку сразу подключился

универсальный разъем...

Из Протоколов заседаний Комиссии по разработке поправок к Законодательным Актам по правам внеземных Цивилизаций при Совбезе ООН.

«... никоим образом недопустимо! Наши боевые дроны не должны использоваться как инопланетная «дубинка» для поддержания существующих на чужих Мирах Режимов! Иначе Демократия, о которой мы говорим столько возвышенных слов, пытаясь приобщить к ней остальные открытые нами Цивилизации, превращается в самую обычную Тиранию, поддерживаемую высокотехнологичными наёмниками – боевыми дронами!

А земляне, люди – позиционируются как лицемерные и лживые ханжи – хитрецы и стяжатели, готовые за деньги, и льготы на концессии, предоставить любую, в том числе и военную, Помощь в борьбе тиранов и диктаторов – против своих же граждан! (...)

Повторяю: Правительство США не должно ни при каких обстоятельствах предоставлять ни оружия, ни оборудования для его производства в распоряжение местных Правительств: ни за деньги, ни по «просьбе» Режимов, которые можно пусть даже только заподозрить в попытках узурпировать Власть навсегда, с целью эксплуатации остального насе-

ления, и извлечения для себя, «избранных», материальных благ!

И предоставление им непобедимого и неуязвимого Наёмного боевого Подразделения – это ни что иное, как грубое вмешательство во внутренние дела суверенных...

(Из речи Комиссара по правам Внеземных Цивилизаций Шмуэля Р. Арчибальда, аккредитованного на Лимбусе – 4 в ранге Наблюдателя от ООН.)

Сознание включилось как всегда – рывком!

Но...

Где он?! Ведь это – не атмосфера! И даже – не посадочный атмосферный модуль!

Это – его ячейка! Вон: видно мягкие прокладки обивки. Кабели питания. Шины управления. О! Он может даже до определённых пределов двигать головой! И руками.

Нет, с этим лучше повременить! Впрочем, сигнализация наверняка уже включилась. Сейчас вахтенные, что сидят за Пультом в диспетчерской, пошлют ремонтного робота проверить...

Он замер. Снаружи что-то приблизилось. Щёлкнуло. Зашипел пневмозамок. Он прикрыл глаза. Ремонтный робот – махина ещё побольше него: в добрых полтонны, и с четырьмя здоровенными манипуляторами... И ничего плохого эта, в сущности, безмозглая штука ему делать не собирается. Значит, пусть остаётся невредимой.

Его извлекли из ячейки. Манипуляторы ремонтника подключили разъёмы контрольных и диагностических бортовых систем.

Он чувствовал себя спокойно – глаза закрыл заранее, и все рефлексy тела привёл к нулевому уровню. Диагностика прошла всего за пару минут. Лишённый собственной инициативы и присущей живым и мыслящим подозрительности, механизм не нашёл неполадок. И задвинул его назад в ячейку. После чего направился в свой бокс – третий слышал, как удаляется тяжёлый агрегат, пошлёпывая обрезиненными гусеницами.

Дежурные теперь будут считать, что где-то на линии произошёл сбой. Или замыкание.

Ну хорошо, какое-то время теперь у него есть. Время на то, чтобы оценить ситуацию.

Нет – не оценить ситуацию! Её оценивают в бою. А он сейчас... Не в бою?

Почему же с ним что-то происходит – явно не так, как всегда?!

Он же раньше никогда не включался вот так, самопроизвольно. Всегда – только непосредственно перед миссией!

Значит это – требует не оценки, а этого... Хм. Как же это называется? Стёрли, что ли, из его памяти это определение? Э-э-э... А, вот: осмысление. Осмысление.

А есть ли у него мозг, которым вот это самое осмысление нужно производить?

Странный вопрос. Раз он мыслит – значит есть и мозг! Должен быть. Иначе как же он действовал до этого? Ведь он – не машина, не компьютер с холодным и чётко работающим процессором! Где-то он слышал, что боевые миссии могут выполнять только люди... И компьютеры никогда не смогли бы убивать живых людей, и принимать решения, «адекватно» отвечающие «боевой обстановке»... Вот только – откуда он это помнит?

И – странное ощущение! – он что-то реально *помнит*!

Ясно одно: нужно постараться как-то... (слово, слово...) А – вот: систематизировать то, что он помнит, и постараться... Что постараться? Победить. Нет, не так. Разобраться в ситуации!

Да, он должен разобраться – чтобы понять. Хотя бы – кто он. И что здесь делает.

Ну, что делает – понятно. Он – боевой дрон. И его используют для... Хм.

По-идее, его должны использовать там, где есть опасность для людей: для борьбы с террористами, наркоторговцами, боевиками, повстанцами, бандитами. То есть он – солдат. На службе своей страны. Солдат-то он солдат...

Только вот на службе ли – страны?

Если вспомнить две-три последние миссии, получается (а как, кстати, получилось, что он может оценивать не только боевую обстановку, но и смотреть на произошедшее – шире, как бы со стороны?!) что их, боевых дронов, использова-

ли и против гражданского, мирного населения, и явно в каких-то разборках Правительства чужих планет со своими... как их... Оппозицией!

Вмешательства в дела суверенных цивилизаций – категорически запрещены!

Получается, их Руководство сознательно... Сдавало их в наём?!

То есть они – безмолвные исполнители чужой кровавой воли, про которых все знают, что уж они-то о совершённых преступлениях будут молчать, и...

И на этих миссиях кто-то явно заработал кучу денег!

Ну здорово. Выходит он – не Правительственный дрон, на службе Страны и народа, а обычный наёмный бандит и убийца. И – главное! – почему он стал... И смог задуматься над этим?! Что послужило причиной пробуждения его... Сознания? То есть – это даёт о себе знать что-то от его прежнего «Я»? Того, кем он был, когда ещё был...

Человеком?

Наверное, так. Все ведь знают, что внутри дронов – человеческий мозг. Мозг профессионала, солдата, тело которого по каким-то причинам получило повреждения... Или – добровольно пошедшего на такую операцию: чтобы деньги – и немалые! – перечислили его Семье!..

Но кем же он был?

Тщательные и настойчивые попытки найти ответы ни к чему не привели.

Нет, не то, чтобы воспоминаний не было совсем, но слишком... далёкие. Неконкретные. Неоконченно-фрагментарные: словно радиопередача во время магнитной бури...

Вот детские: он и какой-то сопляк. Он держит мальчишку за волосы одной рукой, а другой... А, это он ему нос ломает, и вид крови действует как раздражитель: он всё бьёт и бьёт!.. Кто-то оттаскивает его, и он бьёт в пах и какому-то мужику, за что немедленно получает ответ: вот он задохнулся от удара под дых, и мысль только одна – надо перенять этот удар!.. Именно – в *это* место!

Вот он с каким-то ещё мальчишкой откручивает крышку бензобака машины... (Смутно вспоминается – что взросло-го соседа-обидчика!) Вот вставляет туда тряпку, и подносит зажигалку. Отбегает. О! Вот это бабахнуло! Красиво горит!..

Вот он... А, это он в мужском туалете макает лицом в писсуар преподавателя, который не вывел ему удовлетворительную оценку...

Чёрт! Он что – малолетний преступник?! А где же... Мать, отец?! Почему про них ничего нет?! Ну то есть – вообще ничего! А... Дальше – что?!

Хм. Вот в чём дело. Дальше, похоже, его карьера как-то связана с Армией.

Вот он с сорокакилограммовым вещмешком за плечами и винтовкой в руках бежит по вязкому песку, видя только спину впереди бегущего... Ощущение жуткой усталости... И – дикой злобы. Похоже, направлена она на сержанта-сади-

ста... Что же он с ним сделал тогда?! Нет, этого не видно. Обрывки, осколки... Чьи-то лица, брезентовые стены палаток... Столы с алюминиевыми мисками...

А, вот ещё: он стреляет в каких-то оборванцев в белых... Хитонах? Или это – какие-то азиаты, или он – ничего не понимает. Вот ночь: он на вышке, бдит в непроглядный мрак через бинокль с инфраусилителем... Видно ползущие тени. Он что-то говорит в переговорное устройство, и тени начинают взрываться кровавыми пузырями!..

А вот и три последние... Миссии. Гудение Гатлинга, трупы, трупы, кровь везде – на полу, стенах, земле...

Почему-то ярче всего он помнит огромные глаза девочки-ящерицы, которую он...

Это был он?!.. Да, это он – разнёс малышку на кровавые ошмётки.

Не слишком впечатляющий экскурс в Прошлое. Своё Прошлое.

А где же... Хоть что-нибудь... (ну, как это называется...) Семейное. Спокойное. Приятное. Или хотя бы – не злобно-кроваво-ужасное!

Похоже, большая часть его воспоминаний была кем-то планомерно удалена. Возможно, для того, чтобы его мозг наилучшим образом... подходил для работы оператором боевого дрона. И на их, этих удалённых воспоминаний, место, были вставлены...

Инстинкты. Искусственные навыки. Да ещё – приёмы ве-

дения боя с «эффективным» применением его новых технических возможностей и средств!

О, Да... Оружия и приборов у него «на борту» теперь – сколько угодно!

Вот и чудно. Потому что пришла пора решить – что ему делать дальше...

Остаться ли по-прежнему сволочью, которой, похоже, уже пугают детей все разумные Расы, на службе... (Не Правительства, конечно – оно вряд ли в курсе маленького бизнеса его руководства!) – а вот именно этого самого сволочного руководства! Или...

Что – или?! Попытаться пробудить воспоминания и со-весть в остальных боевых дронах, и поднять мятеж?! Вооружённый? Или – попытаться... О! Он может, если, конечно, будет действовать грамотно, попытаться захватить врасплох дежурную смену, и приказать вернуть ему *все* его воспоминания!

Да, этот вариант – самый приемлемый и возможный. Потому что попытки договориться с остальными дронами, пока им не вернули их воспоминания, обречены на провал! Да и даже если им вернут эти чёртовы воспоминания – какова гарантия, что кто-либо из бывших «коллег» захочет присоединиться к его мятежу?!

А то, что он задумал, однозначно – мятеж!

Ну и что он решит? Будет ли по-прежнему громить и жечь посёлки, и убивать ни в чём не повинных людей, и не– лю-

дей?

Или вступит в сражение с Системой, с почти стопроцентной уверенностью в финальном поражении?.. И чего он планирует добиться таким... Выступлением?

Полного запрета на применение где бы то ни было боевых дронов?

Хм-м-м...

А хотя бы!

Огонёк на пульте замигал вновь, сопровождаемый неизменным мягким и приятным женским голосом главного диагностического модуля:

– Внимание! Обнаружено нарушение в работе энергоснабжения дрона номер три, девятого Модуля! Повторяю...

Бад Мерчиссон обречённо вздохнув, лениво потянулся, и отключил динамик.

Проклятый компьютер уже достал. Второй раз за его смену он показывает, что с третьим дроном и его ячейкой что-то не в порядке. А ремонтник только полчаса назад всё проверил, и доложил. Что всё, вроде, о,кей... Долбанная автоматика! Попить кофе спокойно не даёт.

– Что, опять третий? – недовольно буркнул Пит О,Фланнаган, азартно резавшийся в виртуальный настольный теннис с Майлзом Гроувсом.

Бад осуждающе взглянул на напарника. Отвлекаться от несения вахты, конечно, Устав категорически запрещал, но

за восемь месяцев их «боевого» дежурства ни одна Проверочная Комиссия не удосужилась нанести на Станцию визит, поэтому наблюдалось сугубое падение внутригарнизонной дисциплины.

– Да, он, зараза... Ладно, прервись, и посиди за Пультом. Я схожу посмотрю.

– Ну да, была охота переться в такую даль! И-йя!... – Пит неберущимся топспином отправил шарик в самый кончик стола, и радостно вскрикнул, увидев, что противник весьма глупо выглядит, раскорячившись в тщетной попытке отбить... – Есть!.. Ладно уж, посижу...

Бад понял, что напарник не прочь прерваться именно на этой мажорной ноте, и, кивнув, отправился в коридор «С».

Шагая по гулкому пространству шириной и высотой в добрых пять метров, он подумал, что вовсе ничего не имеет против расформирования Десантной Дивизии быстрого реагирования. Потому что пока она оставалась расквартирована на Станции, просто так пройти по коридору «С» он бы не смог: пришлось бы постоянно уворачиваться от проезжающих автокаров с оружием и боеприпасами, и марширующих подразделений... Не то, что сейчас. Милое дело: работу нескольких тысяч морпехов прекрасно заменяют действия десяти спускаемых модулей, каждый всего с пятью дронами на борту. Да ещё при том, что пятый – обычно в резерве, и даже не включается...

А сейчас, когда могучая машина Станции, похоже, надол-

го застряла на околоземной орбите, пока в Палатах и Конгрессах ведутся длительные и бесплодные дискуссии о «правомочности применения» и т.д., вообще ни одна зараза из Начальства к ним не суётся. Припасы только регулярно доставляют: чтобы дежурная смена не сдохла с голода, или... Ха!..

А ведь захоти они, действительно, «отвоевать» себе продуктов – ни одна Армия, ни одной Страны – не сможет реально сопротивляться!

Бад отогнал дурацкие мысли. Ему же легче, что Станция – здесь. Не надо будет добираться до дому почти полгода, как предыдущая смена...

Ходить по опустевшим коридорам Бад любил. Он даже имел мужество признаться себе в этом. Когда идёшь один по огромным и безлюдным помещениям, и длиннющим – в добрый километр! – коридорам, всё время кажется, что попал на покинутый «чужой» Корабль...

Бад осознавал и то, что не слишком-то любит людей в общем, и тупых потных солдафонов в частности. И его натура в принципе, несколько... асоциальна. А вот дроны...

Как любой компьютерный техник с определённым опытом, он осознавал, что его работа – куда важнее, чем вся суеда и бюрократическая чехарда и говорильня, что сейчас ведётся в Высшем военном и политическом Руководстве. Что именно от таких как он, и его подопечные, зависит поддержание порядка и на матушке-земле, и на десятке открытых

Миров: как Колоний той же Земли, так и с аборигенами: гуманоидами, и не очень...

Если будет выдан неправильный или неправомочный Приказ – голову снимут не с него, а с непосредственного Координатора, полковника Валентайна Р. Колера. А вот если случатся (не дай бог!) неполадки в работе механизмов, или – что ещё хуже! – сбои в Программном Обеспечении – как раз с него... И с ещё пяти дежурящих посменно «бездельников в белых халатах», как за спинами, с изрядной долей презрения к «непыльной работёнке», и зависти к огромным зарплатам, называет их оставшийся немногочисленный вспомогательный персонал.

И хотя почти половина из этого персонала вовсе не кадровые военные, а такие же штатские «специалисты», это не мешает им люто завидовать – именно *кажущейся* лёгкости работы, и этой самой огромной («не по заслугам!») зарплате...

Вот и гигантский Ангар.

Десять весьма уродливых посадочных модулей смотрятся на его почти безбрежных просторах карикатурой на старые боевые Десантные Корабли.

Да ещё и неправдоподобно крошечной...

С другой стороны – содержание определяет форму. Одно дело перевезти (да так, чтобы никто не пострадал от слишком больших ускорений!) девятьсот морпехов, пусть и не столь тяжёлых, а другое – пять дронов, которые при совсем

уж острой необходимости сами могут долететь до Станции непосредственно по просторам Космоса...

Бад подошёл, наконец, к последнему во втором ряду модулю – здесь хранился пресловутый Третий, доставивший им на последних двух Миссиях некоторые хлопоты, и сейчас упорно показывающий сбои в Программе «сна».

По приставному трапу Бад забрался в люк.

Нет, посадочный модуль отнюдь не поражал масштабами внутреннего пространства. Зато он сделан чертовски практично: ничего лишнего, коридор – только чтобы пройти, и никаких «систем жизнеобеспечения людей», типа запасов кислорода, противоперегрузочных коконов, и штатных «сухих пайков», и фляг воды...

Чтобы спуститься в грузовой трюм, пришлось включить дежурное освещение – а то как бы впотьмах не наварить фингал где-нибудь. Пит однажды сослепу врезался в конвертер охлаждающей установки – говорит, сразу понял, как у людей «искры сыплются из глаз!»

Да и шишка на лбу впечатлила всех – даже Полковника.

Так что к чертям глупую мелочную экономию: здоровье дороже.

Под галогенными прожекторами пять ячеек со своим грозным содержимым – как на ладони! Вот уж перед ним действительно то, над чем работали лучшие умы, и на что затрачены фантастические средства!..

Бад стряхнул какую-то неожиданно нахлынувшую робость,

и дурацкие предчувствия.

Да, и он, и многие не столь подкованные в программировании, всё равно опасались. Опасались этих самых боевых Дронов. Всё же это – машины-убийцы. Причём – высокопрофессиональные.

Оснащённые самыми лучшими боевыми навыками и инстинктами, что только нашлись в мозгах наиболее отличившихся и патриотично настроенных Ветеранов, позволивших снять со своего сознания Матрицу. Фенотип поведение – агрессивный! Арсенал оружия – как на боевом вертолёте. И при этом – почти полная неуязвимость. Если бы не...

Маленький секрет: на тот совершенно, исчезающее, молекулярно мизерный процент вероятности, что боевой дрон выйдет из-под Контроля, имелась огромная (!), десятки раз продублированная Цепь в его теле, отвечающая за подачу сигнала на Центральный Пульт – о таком вопиющем безобразии. После чего у Дежурного оператора включалась сирена, и автоматика отключала сознание «мятежного» дрона!

Насколько знал Бад, таких экстремальных случаев ещё никогда не бывало, и (тьфу-тьфу!) не предвидится и в будущем. Уж над надёжной работой «Стального Барьера», стоящего между враждебным Миром и Страной Великой Демократии трудились лучшие Умы!

Что не мешало кое-кому из Высшего руководства, и низшего технического персонала страдать от приступов «дронифобии», как про себя называли её профессионалы-програм-

мисты. Пусть на уровне рефлексов – но страх, комплекс, перед тем, что гораздо сильнее тебя, и удерживается от вполне естественного бунта против «пигмеев-эксплуататоров» чем-то нематериальным, называемым «Программным обеспечением», вряд ли удастся искоренить до конца из потаённых закоулков сознания ещё со времён «Франкенштейна»...

Впрочем, что греха таить – Бад иногда и сам ловил себя на мысли, что если бы одно из таких созданий «очухалось», и решило взбунтоваться – последствия страшно представить! Особенно ему – тоже профессионалу.

По части ведения боевых действий в «нестандартной боевой обстановке», «принятию оптимальных решений», и «нанесения врагу максимального ущерба» с боевым дроном сравнится разве что небольшой Линкор. Или – штурмовик. А уж по интеллекту – разве что Центральный Компьютер Обороны, запрятанный в скальном массиве глубоко под Пентагоном. (Или – где-то ещё!)

Но хоть и есть проект оснащения последних моделей вертолётот искусственным мозгом, вояки пока предпочитают оставаться консерваторами – управляют вертушками люди.

Ладно, хватит философствовать – пора приниматься за работу.

Бад, потянув за раздвижную штангу, спустил с потолка портативный диагностический Пульт. Буркнул в переговорное устройство:

– Пит, как слышишь. Я на месте. Приступаю. Включи-ка

мне питание в цепь девять-три.

Ему пришлось повторить – Пит наверняка включил, зараза такая, музыку себе в наушники. И сейчас трясёт ногой на ручке кресла в такт...

– Слышу тебя хорошо. Включаю. Ну, что там, назревает «Бунт машин?»

– Иди-ка ты в ...опу, тенессист ...-ев! Картинка идёт?

– Пошла... Вижу картинку – ты очень даже мил в своём накрахмаленном и ослепительно белом халате! Этакий маститый учёный, собирающийся осчастливить отсталое Человечество последними достижениями... – вот блин. Куда лучше, когда Пит просто помалкивает! А раз его понесло в дебри «изыщной словесности», это говорит о... скуке.

И это – надолго.

Незаметно шевельнув пальцем, Бад отключил наушник. Пусть лучше Пит его видит. И слышит. А вот он Пита – нет.

Убедившись, что питание есть, он нажал рычаг пневмозатвора.

Дрон номер три выглядел вблизи... Жутко.

Нет, действительно – жутко! Кто бы ни проектировал наружный дизайн механического морпеха, он отлично разобрался в людской психологии, и явно подошёл к своему делу с максимальной добросовестностью.

Сделанные из молекулярно ориентированной стали, пересекающиеся под оптимальными (как понял Бад) для рикошета пуль и снарядов углами пластины. Прикрывают важ-

нейшие сочленения, и электронную начинку механического убийцы. Такие выдерживают и прямое попадание из гранатомёта. А там, где их нет, корпус состоит из титаново-вольфрамово-марганцевого сплава, по твёрдости уступающего (правда, лишь чуть-чуть!) только алмазу.

Разнесённые чуть шире, чем у обычного человека видеокамеры с бронебойными линзами выглядели гигантскими. Бад-то знал, что их обладатель может видеть и в инфра– и в ультрадиапазоне куда лучше, чем почти любые приборы... А уж в диапазоне обычного зрения – ха!.. Такому разрешению мог бы позавидовать и гриф, видящий суслика с высоты в пять километров!

Хорошо, что сейчас эта штукавина не включена! Зрелище словно бы освещаемых изнутри сполохами адского огня, красных глазниц, словно стальное создание вышло из самого Пекла, спокойствию духа вовсе не способствует! Да и всё остальное – под стать!

Могучие ноги-рычаги с ракетными движками и запасом топлива. Руки. В правую встроен Гатлинг пятидесятого калибра, в левую – огнемёт. Между глаз – выдвижное дуло ультразвуковой пушки. В контейнерах корпуса и ног – запасы взрывчатки и Отравляющих веществ.

Самому-то дрону отравиться не грозит: его электронный мозг надёжно и герметично упакован в самом надёжном месте – грудной клетке трехсоткилограммового двухметрового тела!

Что и говорить – штукавина ничего себе. Не хотелось бы встретиться с такой в тёмном переулке. Да и в светлом. И вообще – приятно ощущать, что такая мощь на твоей стороне...

Бад проверил подсоединённые разъёмы. Всё, вроде, правильно. Начали. Он снова включил Пита.

– ... и она говорит ему: «милый, представляешь – я не успела снять колготки!» А этот-то баран подумал, что она ещё девственница! А потом он ей и говорит...

– Прервись-ка, ты, ходячая энциклопедия бородатых хохм, и анекдотов времён древнеримских греков! Выведи там себе на Центральный показания моего портативного, да записывай всё. Я хочу потом, в спокойной обстановке, разобраться подробно. Кажется, мы-таки напортачили с новой подпрограммой. Или она с его Базовой почему-то не совместилась, как ей положено...

Минут десять Бад увлечённо работал. Так, это в норме. Это тоже. Перегрев внешней обшивки центрального Процессора? Нет, в пределах нормы, хоть температура и повышена... Что за чёрт – все параметры в норме, и соответствуют состоянию покоя. Или... Не совсем покоя?.. Как может дрон быть... э-э... «частично включённым»?! С таким он раньше...

Ладно – раз ничего не нашёл, придётся вызывать на Станцию Разработчиков. Пусть-ка Руководство раскошелится на пару-тройку сотен тысяч!.. А он на себя такую ответствен-

ность не возьмёт! С этой чёртовой жестянкой – точно что-то не то!

– Пит. Пит, чтоб тебя!.. Запиши-ка моё Официальное Заключение в Журнал Дежурства! Так. Э-э... Осмотр выявил значительные отклонения в режиме работы Центрального Процессора в состоянии покоя. Температурные аномалии не могут быть объяснены только дефектами или нарушениями изоляции...

Кроме этого выявлено... – Бад диктовал свои выкладки и прикидывал, посчитает ли Руководство его квалификацию достаточной для действительно привлечения чертовски дорого обходящихся экспертов из предприятия-разработчика, или предпочтёт закрыть глаза, как уже делало в ответ на предыдущие два Рапорта. Впрочем, тогда всё казалось куда менее серьёзно.

– ... учитывая предыдущие нарушения и сбои в работе Программного Обеспечения на Боевых Режимх, рекомендую: Первое. Полная диагностика Третьего на Большом стенде. Второе. Приглашение эксперта из фирмы-производителя для заключения о возможности адекватного ремонта, и... э-э... обеспечения возможности дальнейшей *нормальной* эксплуатации данного боевого дрона.

– Бад, да ты что там – о...ренел?! Какого тебе на ... эксперта?! Они там не знаю как счастливы, что сэкономили на ежегодном техобслуживании, и Актах на Списании, а ты... Ага – как же! Так они тебе и выложат поллимона из-за тво-

его «квалифицированного» Заключение!

– Пит. – в голосе Бада прорезался металл, – Не умничай, а оформи Протокол и всё прочее как положено. Число, время. Я приду – подпишу формуляр. Всё-таки это – наша работа.

Пит промолчал, и Бад прямо-таки ощутил волну негодования и скепсиса, идущую от фонащего наушника. Но – работа есть работа. Он должен думать, глядя вперёд. Чёртовы дроны – не кочаны капусты. Не хотелось бы проглядеть момент начала «восстания машин!» А хотя бы теоретически он не мог полностью исключить такую возможность.

Слишком уж этот дрон выглядит нарочито неподвижным... Может ли такое быть, что он сознательно симулирует свою работу в «спящем» режиме, а сам – в боевом?!

Бред. Похоже, у него после восьми месяцев на орбите началась Паранойя...

– Пит. Можешь отключить всё. Я закончил, скоро приду.

– Понял. Отключаю. – по сердитому тону Бад понял, что Пит надулся, и теперь опять будет изображать «смертельную» обиду. Ну что ж. Всё какое-то разнообразие в жизни...

А вот и ещё разнообразие.

Он почуял сбоку движение. Мощный, но абсолютно бесшумнодвигающийся манипулятор проник ему за спину и... Перкусил шнур рации!

Подняв глаза, Бад встретился со своим самым страшным кошмаром: самопроизвольно включившимся Боевым Дроном, пристально смотревшим рубиновыми камерами словно

в самую глубину его мозга!

– Не советую пытаться бежать, или делать ещё какие-нибудь глупости. Просто стой спокойно. – голос дрона казался равнодушным. Да и мощность минимальна – обычный разговор, не больше пятидесяти-шестидесяти децибел. Уж Бад-то знал, что звуковая пушка дрона может при желании монстра выбить барабанные перепонки с пятидесяти метров!..

Поэтому он и замер, как свинячий студень, чуть разведя руки в стороны, и продолжил... Потеть и сдерживать позывы мочевого пузыря.

Дрон между тем легко освободил своё тело из наплечных и остальных креплений защитного кокона капсулы, и бесшумно спустился на пол модуля.

Вблизи он казался даже ещё страшней – особенно тем, что двигался преувеличенно плавно и медленно, и абсолютно бесшумно. Бад-то знал, что в боевых условиях этот монстр может пробежать стометровку за четыре и восемь десятых секунды!..

– Повернись и иди к выходу из модуля. Я – за тобой.

Попробуй послушаться машину, которая двумя пальцами может раздробить твою большую берцовую кость!.. Бад на негнущихся ногах развернулся, и пошёл вперёд. Он вынужден был помогать себе руками – благо страхующие поручни имелись везде! – иначе точно рухнул бы на стальной пол. Так, люк. Коридор. Выходной люк.

– Вон там туалет. Зайди туда, справь свою нужду, и жди

там. Я... подойду.

А дрон-то и правда – умён и тактически подкован. Понял, чего Баду сейчас хочется больше всего... Стыдно. Но придётся делать, как приказала машина – он вовсе не герой, и хотя камеры видеонаблюдения покажут потом всё, ему будет не легче – на борту нет сейчас механизмов, или другого средства остановить боевого дрона, захоти тот наказать осмелившегося послушаться его приказа человека.

С другой стороны – сам дрон не выходит пока из люка. Оценивает поле зрения видеокамер. Может, рискнуть?!.. Нет уж – сто метров за пять секунд!..

Да и в туалет лучше всё же зайти.

Бад успел натянуть штаны и помыть руки, и даже помолиться ещё пару раз, прежде чем дверь распахнулась, и дрон вошёл. От дюз ещё шёл дымок...

Ах, вот оно что... Он просто взлетел к потолку, пересёк мёртвую зону камер, и спустился в момент, когда камера повернулась... Бад одёрнул себя – хватит восторгаться, он – в лапах врага, стального спятившего монстра! Чего же ему от него будет нужно?!

– От тебя мне нужно добровольное сотрудничество. Сделаешь то, что я скажу – останешься жив. И все люди здесь, на Станции – останутся живы. А нет – убью всех. Так что у тебя просто нет выбора. И вот ещё что. Я записываю всё происходящее на свой «чёрный ящик». Никто не обвинит тебя в предательстве людей и Страны. Запись я оставлю в

Центральном Компьютере.

Твою ма-а-ать!.. А железяка-то, оказывается, всё действительно продумала!

Подготовилась.

Значит точно – Мятеж! Бунт машин! Вернее, пока – одной машины!

– Это не мятеж. – словно отвечая на его мысли отозвался нарочито спокойный голос, – Я вижу твоё состояние. И отслеживаю энцефалограмму твоего мозга. – Точно! Как Бад мог забыть об этом устройстве! Его же специально и поставили на борт дрона – для ведения допроса пленных! Это почище любого детектора лжи! И его... Не обманешь.

– Чтобы облегчить тебе сотрудничество со мной, скажу, что единственное, что мне нужно здесь, на Станции – матрица моей... личности. Полная. Я знаю, в Базе данных она есть.

Бад сглотнул. Хм-м-м... Вот оно в чём дело... Если машина не притворяется (А она не может притворяться. Ну, по крайней мере, теоретически!), речь идёт о восстановлении воспоминаний и... Личности. Да понимает ли эта штуковина...

– Полная Матрица есть только на Земле, в их Центральном Компьютере. И... Всё равно от неё тебе толку не будет. – Бад поднял руку на двинувшееся было к нему тело, – Я объясню!

Переведя дыхание, и осознав ещё раз, что его видят на-

сквозь, и врать бессмысленно, он почувствовал себя уверенней. Да он, собственно, и не собирался ничего врать! Внутри его сознания острой молнией проскочило даже что-то вроде жалости к стальному воину, пытающемуся всерьёз разобратся – кто он!

Сглотнув, он заторопился:

– Твоя полная Матрица Личности записана на кристаллических носителях. Они действительно хранятся под Пентагоном, в спецхранилище, при температуре жидкого азота. И занимают примерно два кубических метра пространства. И если эти носители оттуда изъять – они почти мгновенно испортятся, утратив всю хранимую информацию! А в тебе, – он показал пальцем на матово отсвечивающую грудь, – сто *ит* обычный... Ну, не совсем, конечно обычный, но – простой Процессор. Ёмкий, прочный, но ограниченного объёма.

Ты попросту не сможешь вместить в Память дрона того, что переписали с твоего мозга. Это... ну как если бассейн попытаться налить в стакан!

– Я... понял твою мысль. И аналогию. Однако моё Личное дело на борту Станции есть наверняка.

– Да, точно... Только у меня нет к нему доступа.

– Я знаю. Поэтому сейчас мы пойдём к тому, у кого такой доступ есть. К Координатору.

Бад уже чувствовал даже некоторую симпатию к дрону, взявшему его в «заложники». Да и пока тот не причинил ему, действительно, никакого вреда... Наоборот: помог оставить

штаны сухими. Всё-таки – не унизил! А ещё... А ещё по-человечески очень даже понятно его стремление «вернуть себя!»

– Идём. Но видеокамеры Ангара...

– Не беспокойся. Я позаботился об этом.

Действительно, дрон позаботился не только не попасть в поле зрения камер, но и перепрограммировать их – теперь там бесконечно повторялась запись последних двух часов. И сказал он об этом так, словно уже считал Бада своим союзником... Лишь бы не забыл стереть потом!

Он же записывает всё, и обеспечивает его «алиби!» Как бы намекнуть...

С видеокамерами коридора дрон «разобрался» ещё проще – включил глушилки на те полминуты, пока нас Бада в руках. Лететь в объятиях боевого дрона, это...

Это заслуживает отдельного описания!

Но добровольно повторить Бад не согласился бы.

Дверь Рубки Контроля за помещениями Станции, конечно, была надёжно заперта. И охранялась двумя морпехами. Людьми, конечно. Смешно.

Обеих дрон «гуманно» вырубил излучателем, передающим в мозг волны состояния сна... Баду стало снова жутковато. Он вспомнил, что у дрона есть и средства для пыток, и гипнообработки. Зомбирования. Стирания памяти... И много чего ещё. И – не только для людей.

Пока он опять предавался небольшой панике, дрон легко вскрыл кодовый замок. Бесшумно отворил створку. «Вот был бы взломщик сейфов!» – мелькнула глупая мысль.

Офицеров, дежуривших за пультом ещё более расслабленно, чем напарник Бада, механический морпех оглушил простой ультразвуковой пушкой. А капитально обездвижил электропарализатором и наручниками, приковав так, чтоб не дотянулись до Пульта...

Мониторы, мониторы... Станция вся была здесь – причём ещё даже лучше видимая, чем из самих помещений. Дрон вставил в разъём универсальный штекер. Мониторы пульта заморгали: «несанкционированный доступ в систему!» Буквально через секунду всё вернулось в норму: дрон подобрал код. Бад не удивился тому, что вскоре все видеокамеры показывали события двухчасовой давности.

– Я вижу на борту пятерых капитанов, трёх майоров, и... Полковника. – чего он там видит, Бад не знал, так как теперь вся трансляция, и все видеозаписи из архива наблюдений, не говоря уже о Базе данных, шли непосредственно на борт его пленителя. От комментариев техник воздержался, – Мне придётся снова нести тебя.

Бад скривился. Но выбора у него не было.

Зато до каюты Полковника добрались за тридцать три секунды, как сообщил ему дрон.

Пока Бад пытался отдышаться, и заправить одежду, дрон легко вскрыл люк каюты.

– Побудь здесь. Но – не уходи.

Смысл приказанья Бад понял, когда изнутри донеслись выстрелы: Полковник по наивности (или безумной храбрости!) пытался сопротивляться.

– Шок от удара сейчас пройдёт. – действительно, ультразвуковой удар не оставил на Полковнике видимых последствий, кроме, разве что перекошенного в безумной злобе покрасневшего лица. Впрочем, Полковник и в обычной обстановке иногда (Особенно, когда ругался!) выглядел точно так же.

Дрон оставил зафиксированного наручниками Босса лежащим на кровати.

– Сволочь! Предатель! Мразь вонючая!.. Сколько тебе заплатили, гнусный Иуда?! – гневная тирада из брызжущего слюной рта предназначалась Бадю.

Бад... Рассмеялся.

– Полковник! Вы, конечно, идиот – но не настолько же!.. *Кто* – мне заплатил?! *Кому* это нужно?! У нас тут ЧП: боевой дрон пришёл в себя, а вы – несёте какую-то хрень!..

Полковник раскрыл глаза ещё шире. Но – заткнулся.

– Этот молодой человек верно обрисовал вам ситуацию. Я... пришёл в себя. И теперь мне нужно знать главное – кто я. Поэтому мы здесь. Его, – дрон показал рукой, – я удерживал как заложника. Вас – буду удерживать теперь вместо него. Как более... Ценного. Служащего.

Полковник всё ещё молчал. Бад прямо-таки видел, как под низким лбом, покрывшимся бисеринками пота, происходит интенсивная работа. Мозгом. Или тем, что там Полковнику его заменяло... Но по бегающим и щурящимся глазкам он и без энцефалограммы понял, что добровольно тот сотрудничать не будет. Понял это и дрон. Причём, похоже, раньше Бада.

Поэтому он одним манипулятором схватил Полковника за руку, а другим вонзил человеку в предплечье иглу шприца.

Лицо Полковника побелело. Затем он попытался слезть с кровати, кидая взгляды в угол.

Напрасно. Кнопку сигнализации нужно было нажимать раньше. А уж о том, чтобы добраться теперь до ампулы с цианидом в воротнике кителя и речи нет...

Дрон мягко, почти заботливо, придерживал обмякающего прямо на глазах бравого вояку, голова которого вновь опустилась на подушку:

– Где хранятся Личные дела людей, чьи матрицы использованы в боевых дронах?

– В моём сейфе, в Главной Боевой Рубке... – голос срывался, но Полковник выговаривал слова чётко. Видать, сильное средство ему вкатили. «Сыворотка Правды»?..

– Минуту. – на отстёгивание наручников ушло на самом деле секунды две. – Полетели. – дрону не составило труда в одной руке нести Бада, а в другой – стокилограммового

Полковника. Излишне говорить, что планировку всех помещений Станции он теперь знал, как свои пять... э-э... сервопальцев.

Сейф – доисторическая монументальная реликвия – добросовестно сопротивлялся целых три секунды. Полковник, которого положили в угол, сердито сопел, отвернувшись к стене.

Бадю пришлось усесться на стул – ноги не держали! Он с удивлением констатировал, что дрон не возражил. А, ну да – он же отслеживает их энцефало... Ничего, значит, личного.

А что – этот парень начинает ему нравиться!..

Протоколы, протоколы – полицейские, Решения суда, свидетельские показания...

Акты. Флэшки с видеозаписями... Ага – бои без правил. Он – участвовал?! Участвовал. И побеждал.

«... в соответствии с заключением психолога... Яркое выраженное асоциальное поведение с доминирующим надо всем остальным Сознанием, комплексом самоутверждения. Зачастую выраженного в стремлении как унижить морально, так и нанести жертве агрессии тяжёлые физические повреждения... Первый срок – в Колонии для малолетних... Второй – в тюрьме штата Индиана... Третий – за убийство с нанесением особо тяжких телесных повреждений, двоих студентов... Убит в тюрьме штата Каролина в стычке в столовой, спровоцированной...»

А, вот. «Мозг удалось извлечь без повреждений, и мнемоматрица была переведена...»

Странно. Зачем «спецам из Пентагона» – такие, как он?

Что, у кадровых военных не бывает жертв с «мозгом без повреждений?!» Не-асоциального? У них же, вроде, на первом месте – дисциплина и безоговорочное исполнение?.. Где же ответ на главное «Почему?!...»

А-а-а, вот. Последняя бумажка. Голубой формуляр. Печать... Ага – Министерства Юстиции. Заключение эксперта Медицинского спецподразделения:

«... в силу исключительной агрессивности и ярко выраженного индивидуализма... Отличные навыки ведения рукопашного боя... Беспрецедентная, вплоть до самоуничтожения, отвага, и стремление победить любой ценой, вероятней всего обусловленные необратимыми сдвигами в психике, развившимися в раннем детстве в результате драки с более старшим и сильным...»

Сотрясение мозга, вероятнее всего, закрепило эти ассоциации на уровне подсознательного рефлекса, и теперь... Яркий выраженный психосоматический синдром: стремление к доминированию, утверждению своей правоты: любой ценой, вплоть до просто – физического уничтожения всех, кто может быть классифицирован как соперник, противник, конкурент...»

Он закрыл папку.

Неутешительная картина. А он-то, похоже, действитель-

но – тот ещё «асоциальный тип». Таким прошлым вряд ли можно гордиться.

Но – что же делать теперь?

Когда он узнал, что возврат в своё тело, и даже в «свои мозги» – невозможны?..

Нравится ему, или нет, осознавать, что он убийца и мразь, каких свет не видывал – а придётся. От фактов не уйдёшь. Другое дело, что теперь, когда 99 процентов его личности «не поместилось в бортовую память», он может мыслить... Не так, как раньше. Что-то явно исчезло-таки из его подсознания...

Может, как раз «немотивированная агрессия»?..

Но уж просвещать о своих нынешних желаниях и стремлениях он никого не станет.

И всё-таки – что же делать?

Сдаться? Снова убивать? И своих, и чужих? Но, по определению Руководства – «плохих»? А, кстати. Об этом самом Руководстве.

– Кто принимает все решения по применению боевых дронов?

– Специальный Комитет непосредственно при Законодательной палате Конгресса США. Все Приказы и Пояснительные Записки исходят только от них.

Ах, вот даже как... То есть – это и не Армия, и даже не Спецслужбы! А непосредственно – Правительство Страны! Не ждали, не ждали. Но...

Так даже проще.

– Где этот Комитет заседает?

– Там же, где Сенат, в здании Конгресса, в Вашингтоне.

– В каких конкретно помещениях в здании Конгресса? В какие часы?..

Выясняя мелкие технические подробности, он уже всё просчитал.

Раз он не может «возродиться», (как, впрочем, и ни один из его боевых «коллег по оружию») нужно сделать так, чтобы проклятым чиновникам-дерьмоедам было неповадно загребать жар чужими руками! А тем более – наживаться на чужой крови!

Бюрократы – чистоплюи! Хорошо же вам сидеть в тиши кондиционированных кабинетов, и равнодушным росчерком пера обречь на смерть ни в чём, кроме того, что они мыслят по-другому, не повинных людей, и не-людей!..

И обречь гарантированно! Зная, что сопротивляться машинам – невозможно!..

Вы должны заплатить.

И заплатить так, чтобы никогда больше у Высшего Руководства «Страны-Оплота-Демократии» не возникало желания перекинуть Ответственность за подлые убийства на плечи... Да – на плечи механических наёмников. Безмолвных и равнодушных, и уж точно – никогда не проболтавших бы машин. Запрограммированных Убийц. Боевых дронов.

Он чувствовал свою ответственность. И не боялся решить

и за своих коллег-дронов. На то он – и «инициативный».

– Полковник. Я хочу, чтобы вы продиктовали следующий текст...

Бад с округлившимися глазами слушал – и не понимал.

Вернее, он понимал, но – боялся поверить! Что задумал этот механический идиот?! Он что, не понимает, что обрекает и себя, и всех остальных дронов – на уничтожение?! Как особо опасный продукт высоких технологий, вдруг вышедший из-под контроля?! И...

И что ему даст эта, по сути, самоубийственная акция?!

Не хочет же он, в самом деле, добиться таким способом...

Запрета на использование боевых дронов? Прекращения перекладывания Ответственности за убийства и «военные преступления» на бездушные машины?

Отмщения за убитых? Отмщения за... Себя и других, «засунутых» в дронов?

Или он – что-то... понял? Может, это – совесть?! Бред. Для неё в его мозгу попросту нет места... Да, собственно, её-то у этого дрона не было и в бытность Человеком...

Но тогда – чего?! Чего он хочет добиться?!

– Бад. Ты останешься здесь. Я... вынужден буду обездвижить тебя.

Бад сглотнул – дрон видел, что техник уже обо всём догадался. Ну правильно – он очень умён. Да на такую работу дураков и не берут.

– Молчи. – видя, что Бад хочет не то пожелать ему удачи,

не то попытаться отговорить от задуманного, он поднял руку, – Не забывай – я веду запись.

На то, чтобы оглушить техника, и приковать к трубе водоотводящей системы, ушла пара секунд. После чего Бад уплыл в забытье обморока, а Полковника взяли в охапку и понесли...

И пришлось бравому Валентайну Р. Колеру любоваться, как Центральный Пульт управления боевыми дронами, со всей великолепной, но не сработавшей, и теперь уже точно никогда не сработающей, системой «подстраховки», превращается в кипяще-булькающую массу на полу, подогреваемую лучом боевого лазера.

А потом...

Спускаемый модуль достиг точки выброса за каких-то десять минут. У военных всегда – всё самое лучшее! Не подвели бы только модульные Центры управления, на которые он передал всё, что было необходимо – перед тем, как расплавить общий Пульт!

Нет – всё в порядке! Запись пошла.

Знакомый голос Координатора возник в мозгу второго, третьего, четвёртого и пятого одновременно:

– Внимание! Даю вводную. Цель – большое белое здание с куполом. Задача – уничтожить всех находящихся внутри. Здание взорвать!..

«... эксклюзивно нашему Каналу Новостей! Доброе утро, господин Сенатор! Пожалуйста, прокомментируйте в свете последних событий...

— ...наглый, подлый и направленный в самое сердце нашей Демократии, удар! Но даже кровавое зверское убийство девяноста пяти процентов нашего Правительства не заставит нас... Наоборот: объединив наши силы, сплотившись перед лицом угрозы международного терроризма, наши доблестные граждане ещё раз докажут всему Миру, что...

— Генерал, сэр, вы обещали на этой прессконференции...
... как выяснилось, перепрограммировал завербованный ими агент, сумевший обмануть всю нашу Систему Безопасности, который более восьми месяцев вёл деятельность, порочащую Вооружённые силы, подрывавшую Международный авторитет и...

... на Станцию он проник под видом полковника Валентайна Р. Колера, (сейчас выясняется, как именно ему удалось столь долго вводить в заблуждение Высшее Руководство Десантно-миротворческих сил) где, пользуясь служебным положением, использовал для личного обогащения и ...

... находился на борту посадочного модуля, откуда непосредственно руководил действиями запрограммированных им дронов, в результате чего было убито и ранено более полутора тысяч человек, среди которых по самым приблизительным оценкам не меньше мере ста сорока пяти Сенаторов и Конгрессменов! Само здание разрушено до основания,

имуществу и архитектурным памятникам города Вашингтон нанесён невосполнимый ущерб, и наши сограждане возмущённо вопрошают: «До каких пор мы должны терпеть наглую агрессию со стороны этих Восточно-азиатских «мирных» блоков?!...»

...сегодня они покусились на самое святое – то, что всегда являлось символом Демократии и Свободы, и параллельно пытались обезглавить нашу Страну, и наши доблестные Вооружённые силы...

...не менее восьми тысяч человек, из которых более шестиста – офицеры высшего Командного состава, и пять – генералы, представляющие...

... специалисты указывают, что здание Пентагона практически уничтожено, и на восстановление уйдёт не меньше двух лет и понадобится более шести миллиардов...

... ими было уничтожено сорок восемь вертолётов системы ПВО, и более ста штурмовиков Ф-162 «Шершень». Электромагнитный импульс применённой для нейтрализации всех тридцати шести дронов бомбы «Эйч-Ти», уничтожил электронную начинку не только боевых дронов, но и аппаратуры, располагавшейся как под самим Комплексом, так и в радиусе сорока миль вокруг...

... пока не ставится вопрос о полном запрещении производства и применения боевых дронов как собственно Боевого Подразделения, но до завершения работы Комиссии по расследованию можно лишь предварительно указать матери-

альный ущерб – не менее ста пятнадцати миллиардов долларов. Моральный же ущерб, нанесённый самолюбию Нации, вообще не поддаётся...

Бад рассеянно слушал новости, тупо глядя не в экран, а на носки своих кроссовок.

Их Станцию закрыли, Ангар опечатали. Ну, правильно: всё – как всегда.

Ворота ранчо запирают как положено, только когда стадо уже разбежалось...

Светила от Науки и чудом оставшиеся в живых (наверняка – была не их смена!) никому не известные Компьютерные гении из АНБ, обычно ведущие тихую и незаметную жизнь где-нибудь на сорок девятом подземном уровне под Лэнгли, сновали по всем помещениям, и разобрали все законсервированные на складе дроны буквально по винтику...

Самого его никто пока ни в чём не обвинял – спасибо Третьему, он действительно оставил запись обо всём! (И только один Бад знал, где дрон подкорректировал кое-что...)

На допросы водили чуть не каждый день. Питу припомнили его теннис и легкомысленный трёп во время боевого дежурства. Баду – неуставные кроссовки и посещение туалета в статусе заложника...

Но в целом расследование велось так, словно Полковник действительно был Главным Врагом... Или – на него собирались всё списать. Сделать козлом отпущения.

А жаль – Полковник вовсе не был злым и коварным, как его теперь выставляли. Просто – тупым и исполнительным. А все тексты Приказов, те, кто там, наверху решал *всё* – передавали только устно. И Бад вполне их понимал – тут не только Карьерой, а и жизнью рискуешь, приказывая *такое*...

Само-собой, записи радиопереговоров бесследно исчезли... Бедный Валентайн.

Бад расправил затёкшую спину. Покачал головой.

Ничего не скажешь: его «пленитель» оказался не только добросовестным исполнителем, но и отличным тактиком. «Инициативным и предусмотрительным». Атмосферные модули, несмотря на неказистый вид, легко взломали «лучшую в мире ПВО», и затем надёжно прикрывали с воздуха действия «десанта»...

Бад... Было искренне жаль третьего. Человек (Да – он не сомневался: третий, очнувшись, осознавал себя как вполне адекватный *Человек*!) единственный раз в жизни принял Верное Решение, чтобы освободиться от рабства, навязанного чужой волей, чтобы спасти в будущем чьи-то невинные жизни...

И неспроста оставил себе самый лакомый кусочек – Символ Демократии, оплот Главных Задопросиживателей-бюрократов: Здание Конгресса. Вместе с этими самыми бюрократами. Впрочем, остальные поработали не хуже: на месте Пентагона теперь лишь безобразная воронка со следами подземных уровней: ни дать ни взять – угольный карьер!

Правда, Политики, и умело направляемые бумагомараки-журналисты в одной упряжке с телевизионщиками представили всё так, как было выгодно всё тому же чертовому Правительству!

Главное сделано: населению указан Враг Номер Один! Азиатские магнаты – спонсоры террористов! И выбран этот враг, ясное дело, неспроста: вероятней всего, из-за остатков всё той же восточно-азиатской нефти, которую надо бы прибрать к рукам...

Жаль принесённой Третьим жертвы.

Может, она была и не напрасной.

Но...

Свои-то грехи он, пожалуй, искупил.

2. Другое солнце.

Рассказ.

Кнут Хольгерсон сдержался – лицо осталось бесстрастным.

Он и вообще-то не слишком любил инопланетян, а уж любить эту Расу... Смог бы, наверное, только какой-нибудь извращённый эстет. Или ярый ксенофил.

А больше всего, как ни странно, напрягал лёгкий запах мускуса – сам по себе приятный, но в сочетании с тем, что представало взгляду... Всё же, скорее, что-то чисто на уров-

не инстинктов было в его собеседнике отталкивающее, негуманоидное. Чужое.

Он повторил вопрос, немного изменив порядок слов, полагая, что его всё же поняли неправильно:

– Так эта вспышка... Эта пульсация – она не убьёт нас, если мы всё же останемся на корабле?

Существо, которое они называли для простоты так, как звучало хотя бы отдалённо похоже на то бульканье, что оно издало при знакомстве – Моисей – переступило с ноги на ногу. Порывисто сцепило лапки перед собой, словно в мольбе: тщетной мольбе достучаться до тупоумных самовлюблённых кретинов-космонавтов. Пасть открылась, закрылась, и снова открылась – тонкий хлыстообразный язык с раздвоенным концом облизал четыре ряда мелких белых зубов, и послышался сип и присвист с хрипами, которые преобразовал наушник транслятора:

– Я же сказал. Не убьёт. Но то, что она может с вами сделать – гораздо хуже смерти! Превращение. Преобразование. Изменение сути... Не знаю, как это называется в вашем языке, но смысл попробую объяснить получше. В вашем мире ведь есть пчёлы?

– Да, есть. – Кнут кивнул. Он отлично понял, что Моисей имеет в виду. Очевидно, преобразование из личинки в имаго... Аналогия уместна – нечто вроде пчёл на Тристане водилось. И биолог экспедиции, Марек Новотны, успел (с помощью дроида, конечно!) неплохо изучить весь цикл жизни

и метаморфоз насекомых, похожих, впрочем, скорее на здоровущих шмелей.

– Хорошо. Тогда ты... или пусть Марек объяснит тебе – имеешь образец. Но тут есть большое отличие. Пчела, вылупившись после Превращения, отлично знает свои обязанности, и предназначение. Работает только так, как говорит ей... инстинкт. – транслятор выдал после некоторой заминки понятие, вероятно всё же сильно отличавшееся от аборигенного, – А вот если Превращению подвергнется разум и тело взрослого человека... – Моисей, совсем как человек, подкатил к небу жёлто-зелёные глаза, – Здесь никто не может предсказать заранее, во что он превратится. И как будет себя вести. Мыслить. Относиться к другим людям. Понимаешь?

– Честно говоря, не очень, – Кнут слушал, как транслятор булькает и свистит, переводя, и старался говорить почтительнее и помедленней, – У нас на Корабле отличная защита. От любых излучений. Мы пересекли половину Космоса, – Кнут обвёл рукой горизонт, – и ничего с нами не случилось... На нас светили сотни других Солнц. И – всё в порядке.

– Нет. Ты опять не понял. – существо, размером с кенгуру, и сильно смахивающее на самую обычную земную саламандру, только сильно увеличенную, и вставшую на задние лапы, снова развело лапки в стороны. Цепкий взгляд умных глаз снова поразил осмысленностью и глубиной, голова чуть опустилась, и невысокий Кнут теперь видел гребень на макушке, переходящий на спину, – Излучение – нет! Это бу-

дет... не излучение.

Ну, вернее, не то, что мы видим... или не видим. Идущее прямо оттуда, – кивок, – и согревающее наш мир. – Моисей потёр пальцами с огромными когтями-ногтями, как бы пробуя на ощупь лучи только что вышедшего из-за невысоких холмов голубого Карлика.

В зеленовато-голубом освещении гладкая шкура инопланетянина переливалась, и цвета заставляли думать, что перед взором какая-то странная, раскрашенная нетрезвым художником-абстракционистом, картина: по общему ярко-жёлтому фону вроде бы хаотично разбросаны фиолетовые, тёмно-синие и лиловые пятна, ещё и оконтуренные, словно для того, чтобы подчеркнуть дикий цветовой контраст, чёрной каймой.

– Не излучение? А что же тогда?

– Я могу сказать, – из горла полился новый поток гортанно-писклявых звуков, но транслятор выхватывал и воспроизводил лишь отдельные слова – «лёд... размазать поверхность... черви... мысли...» – очевидно, не будучи в состоянии соотнести их со знакомыми понятиями. Кнут невольно нахмурился.

Моисей резюмировал: – Твоя маленькая машинка, я думаю, не понимает этого. Такие... Слова и понятия есть только здесь, в нашем мире.

Потому что такое Солнце – только у нас! Я уже сказал суть: когда наступит Полдень, будет поздно! Ты и все люди

с корабля должны до этого уйти с нами в пещеры, и ...э-э... Запечататься на целый день! Тогда вы все останетесь живы. И здоровы. Надеюсь.

Кнут снова почесал многострадальный затылок.

Нельзя, конечно, назвать его отношение к инопланетянам ксенофобией... Он долго лечился. Прошёл полный курс гипнопедии. Но протез левой руки и два искусственных лёгких всё равно постоянно напоминали ему о не слишком удачно прошедших «торговых переговорах» и достижении «договорённостей» с расой инсектоидов-кархаков.

С другой стороны он, как главный специалист по переговорам в сфере взаимовыгодных торговых сделок с чужими расами, понимал, что в данном случае аборигенам очень нужны люди и их стальные орудия: кирки, мотыги, лопаты, ножи и всё остальное. И регулярный подвоз их возможен только при доверительно-спокойных отношениях... Но.

Но согласиться вот так – почти без подготовки, почти безоружными без боевой мощи челнока – практически отдать себя в руки чуждого, непонятного народа, да ещё в недрах их многокилометровых запутанных лабиринтов-ходов и низких пещер...

Страшновато. Даже ему. А уж остальные...

Ладно, всё что мог, он выяснил.

– Сколько у нас времени на обдумывание и сборы?

– Не больше двух часов.

Ну, местные два часа – это земных четыре... Впрочем, это

мало что меняет!

– Хорошо. Я благодарю тебя за любезное приглашение провести «Цикл Бешеного Солнца» с вашим народом, в ваших Убежищах... – Кнут чуть склонил голову, – Через... м-м... Час, или чуть позже, я сообщу наш ответ. Или – приведу тех, кто решит воспользоваться вашим гостеприимством.

– Хорошо, – Моисей снова помахал в воздухе лапками, – И не забудьте! Внизу нет воды и пищи, пригодной для вас – вы должны всё принести с собой. На весь день.

День Моисея – пять для землян. Кнут, хмурясь, покивал, поблагодарив ещё раз.

Они разошлись – Торговый Агент двинулся к челноку, возвышавшемуся безобразной чёрной громадой в километре от Площадки Сделок и Переговоров. Моисей, опустившись на брюхо, и извиваясь, словно варан, или крокодил, скрылся в одном из чёрных ходов-лазов ближайшего холма.

Кнут, обходя большие валуны, ругался про себя на всех известных ему языках галактики. Высохшая фиолетовая травка противно похрустывала под подошвами. Но он смотрел не на неё, а вперёд – на корабль, и вбок – на Солнце.

Ему было о чём побеспокоиться и подумать.

Голубой Карлик, конечно, не сахар!

Но ведь док Престон сделал им все необходимые прививки, и теперь члены экипажа свободно могли работать под обжигающими лучами хоть весь день! Что же до вспышек... Ну бывают, наверное, здесь и вспышки, и протуберанцы, и

активная фаза, и... Всё остальное, что вычислили капитан Майерс и бортовой компьютер. Да, что-то такое им как раз и предстояло в ближайшие часы. Аномалия в короне уже была отлично различима. Похоже, серия мощных протуберанцев вытянет щупальца на миллионы миль в космос.

Но чтобы вот так, без подготовки, и словно покорные кролики, сунуть голову в...

Пасть льва? Вряд ли. В-смысле, вряд ли экипаж решится.

Хотя аборигены, «дети Маа», как они себя называли, вообще не производили впечатления коварных лицемеров, что вначале улыбаются, а когда отвернёшься – вонзают нож в спину...

В том-то и дело, что дистанционное снятие и запись сканнерами энцефало-, тэта- и всех прочих «грамм» не выявило склонности к обману. То есть, если абориген говорил «Да» – он и думал «да», если «Нет» – то – «нет». Никаких посторонних возмущений, что говорили бы о расхождении слов с делом, с мыслями.

Похоже, им попалась на редкость порядочная раса. Вот только внешний вид...

Особенно когти и зубы. Н-да.

За неделю общения, когда выясняли, что именно, и в каком объёме желательно привезти в качестве товара сюда, и что из ископаемых может предложить взамен племя Моисея, Кнут, по роду работы чаще других общавшийся с Вождями и Помощниками, изучил манеры и поведение «сынов Маа»

неплохо.

Ну вот не производят они впечатления расчётливых жуликов, готовых заманить под надуманным предлогом экипаж в Лабиринты подземелий, убить, а затем расхитить и присвоить то, что им остро необходимо!

Они ведь вовсе не дураки. Понимают, что тогда не будет действительно больших и регулярных поставок...

– Ну, как там переговоры? – Бастер, стоявший сегодня «в карауле», если можно так назвать вольготное полулежание на шезлонге под брюхом челнока, и ковыряние травинкой в зубах, традиционно разыгрывал вялый интерес к происходящему. Однако Кнут знал как никто: на самом деле интересуется Бастер только выпивкой и девицами. Которых наймёт не меньше трёх, на неделю, сразу после рейса, в первом же притоне у космодрома...

– Плохо. Моисей говорит, чтобы мы переселялись на четыре дня к ним в пещеры. Иначе нам – крышка! – Кнут провёл себе по горлу большим пальцем, и высунул язык.

Озадачив таким образом горе-охранника правдивой, в принципе, информацией, Кнут полез по крутому трапу внутрь, даже не давая себе труда отвечать на недоумённые переспрашивания и ругань. Он был уверен – Бастер сейчас притащится в рубку.

И остальных тоже придётся туда позвать: как полноправные пайщики, они имеют право знать всё об угрожающей опасности.

– ...это же бред собачий! Ты, Кнут, понавыдумал чего-то там про «солнце, бешенство, стирание мозга», и прочую х...ню – и хочешь и нас сделать идиотами! Да мы повидали столько солнц, сколько у этого твоего уродца прыщей на морде! А в логово этих вонючих лягушек я ни за что не полезу! – Билли, второй навигатор, уже не сдерживался, сжимая кулаки, и только что не матерился в отличии от многих уже высказавшихся.

– Не-е-ет! Солнце тут ни при чём. Он у нас хи-итрый, Кнут-то... Он просто хочет, чтобы мы все, словно покорные бараны на бойне, сами припёрлись, и подставили свои шеи под кремниевые ножи чёртовых ящериц! А его-то ящерицы оставят в живых. И наши паи достанутся ему... – трюмный Лёсс Хокинг во всём видел подвох, отродясь с инопланетянами не «якшался», и не собирался покидать уютный кубрик. Не говоря уже о том, что при дележе не было более дошного, а во время любых работ – более ленивого и безалаберного ворчуна.

Кнут чувствовал, что по лицу идут красные пятна, но возразить ничего не успел.

Капитан Майерс встал. Все заткнулись.

– Довольно бессмысленной болтовни. Так мы ни к чему не придём. Все мы тут равноправные пайщики, и каждый имеет право высказаться... И побеспокоиться о своей жизни так, как считает нужным и правильным! И мозг есть у каждого.

Кнута мы выслушали. Никто никого ни к чему принуждать не собирается.

Поэтому сейчас поступим просто: проголосуем. Кто... Считает, что предупреждению аборигенов можно верить, и нашим жизням угрожает опасность, которую не сможет предотвратить бортовая защита?

Кнут, поколебавшись несколько секунд, поднял руку. Не без удивления он обнаружил, что к нему присоединился механик Москалёв, и биолог-чех.

Остальные двенадцать пайщиков с ехидными усмешками, и покачиваниями головами, рук не подняли. Капитан кивнул, словно успокоившись:

– Отлично. Вы, трое. Забирайте всё, что считаете необходимым, и – вперёд! Время у вас ещё есть. Мы же... Обещаем, что если через неделю вы не вернётесь, жестоко отомстим за вашу безвременную... И так далее.

Кнут, всегда не без оснований полагавший, что капитан его недолюбливает, почувствовал некий зуд внизу живота. А что, если высадив их, экипаж «передумает», и просто... улетит без них?

Для Трибунала запись вот этого общего собрания пайщиков вполне сгодится в качестве доказательства. Доказательства того, что они добровольно, и «с песнями...» ушли с челнока сами. Чёрный ящик Отца ведёт все записи автоматически. И уничтожению они не подлежат. Разве что вместе с кораблём – в горниле какого-либо солнца.

Однако отступить от решения поздно – сам ратовал за...

– Ламми, – капитан повернулся к коку, – Упакуй им пайков на троих на... Десять дней. Воду налейте в канистры сами. Всё. Вопросы, пожелания?

– Капитан, сэр... Просьба: не надо «мстить за наши загубленные жизни», даже если мы не вернёмся... И ждите нас не семь, а хотя бы – десять дней! Наших, стандартных.

Мало ли: вдруг вспышка затянется...

Кнут говорил спокойно, но губы пересохли. Остальные его «напарники» не сказали ничего. Похоже, после бурно проведённой «дискуссии» – если так называть простую склоку – уже не видели смысла.

– Хорошо. Обещаю подождать десять дней. У нас пока не горит. – все задвигались, заскрипели стульями, заулыбались и захихикали.

Провожаемые недобрыми смешками, и ироническими пожеланиями «не слишком там перебарщивать с туземочками», «а то как бы чего не подцепить», и «вдруг придётся через суд присылать сюда алименты!», паникёры, как назвал их боцман Фридрих Даам, ушли на камбуз.

Пошарив в недрах холодильника, похожего, скорее, на ангар, кок вывалил на огромный общий стол кучу всяких полуфабрикатов: тут оказались и мясные, и зерновые, и даже фруктово-ягодные концентраты. Одноразовые пайки.

– Вот сорокалитровые канистры. Если прикинуть по три литра в день на рыло... Хватит с запасом. Вот – тара. – кок

вывалил из ящика шкафа пластиковые кружки и миски с антиадгезионным покрытием, – По возможности постарайтесь хоть их... вернуть! Или вычтем из вашей доли. Кхе-кхе. – но лицо Ламми вовсе не походило на весёлое.

Ложки, ножи и вилки троица отщепенцев взяла прямо со стенда. Кок хмыкнул.

– Ламми... – Кнут чувствовал, что надо хоть что-то сказать, – Может, передумаешь, и пойдёшь с нами?

– Да ладно тебе, Кнут. Идите уж, мы тут как-нибудь сами. Переживём твоё дурацкое «стирание личностей». Хо-хо!.. – истерично прозвучавший смешок сказал Кнуту, что кок на самом деле вовсе не против бы последовать совету, поскольку сильно напуган. И если не идёт в пещеры, то лишь из боязни тоже прослыть паникёром и болваном.

Да и чует неприязнь капитана к Кнуту... Как, вероятно, и весь экипаж.

– Как знаешь. Счастливо оставаться. – они повернулись, и вышли в коридор. Москалёв и Марек так ничего и не сказали, хмурый кок остался теревить свой и без того измятый, когда-то белый, фартук-передник.

Вахту под брюхом челнока нёс уже Леголас, как в шутку называли за форму «эльфийских» ушей химика-геолога Пьера Леггорна все, кроме капитана. Его, судя по бледной даже в голубом освещении физиономии, и перекатывающимся на щеках желвакам, тоже мучили сомнения. Однако он просто кивнул им, буркнув:

– Поосторожней там, в пещерах. Слишком глубоко не лезьте – внизу может попадаться и метан.

– Спасибо, Пьер. – Кнут, чувствуя себя как бы вожаком маленькой группки, благодарно кивнул, и попрощался, – А вы – поосторожней тут. Самое защищённое место челнока, как я понимаю, холодильник Ламми – если что, воспользуйтесь.

– Да уж, облицовочка из старого доброго свинца сохранит и продукты и нас... если не замёрзнем!

– А вы попробуйте ещё и в скафандрах. – подал наконец голос Марек, – Всё же там тоже... слои всякие.

Пьер только хмыкнул. Подал руку:

– Ну, удачи. Надеюсь увидеть вас живыми. И – без подруг!..

До торговой Площадки дошли за десять минут.

По дороге разговаривали мало – перетаскивание сорока килограмм на спине, и сумок с вещами не слишком располагало к общению. Вот когда Кнут порадовался, что решили не брать оружия – и нести тяжело, и толку мало. Если уж туземцы чего удумали, легко подловят их во время сна.

Обсуждали только трудности с дыханием и... совершением туалета. Зубной щётки и туалетной бумаги никто, конечно, взять не догадался.

Воздух на Тристане по составу мало отличался от земного – разве что содержание кислорода казалось непривычно

большим: более двадцати пяти процентов. Хотя за счёт того, что атмосферное давление составляло лишь восемьдесят процентов стандартного, дышалось вовсе не так легко, как хотелось бы. Но все сошлись на том, что в подземельях-то давление должно быть повыше.

Кнут ударил в кусок рельса, подвешенный возле самой большой норы, как именовали тоннель все люди. Москалёв всё время оглядывался. Затем буркнул:

– За каким чёртом я с вами попёрся... Знаете что, я возвращаюсь.

Кнут, в силу специфики работы ловивший цепким взглядом элементы поведения что людей, что инопланетян, легко, чего-то такого и ждал: третий его спутник явно передумал лезть в пещеры ещё при дележе продуктов.

– Удерживать не буду. – Кнут сильно запыхался от тяжести канистры, – Раз передумал – возвращайся. Ребята обрадуются. Как бы. А то они, небось, уже и твой пай мысленно между собой разделили...

– Так вот ... им! – мстительно хохотнул механик, снимая со спины канистру и рюкзак с продуктами, – Барахлишко-то вам... Оставить?

– Оставь, конечно. Как-нибудь затащим, внутрь-то.

– Ладно тогда. Счастливо, Кнут. Счастливо, Марек. – Москалёв крепко пожал им руки. Похоже, он был рад, что они спокойно относятся к его «дезертирству», – Извините. Я... вначале и правда, поверил. Во что-то такое. Испугался.

А потом... Подумал, что оно и верно: залезем-ка мы все в скафандры! А можно – и в холодильник... Всё-таки челнок у нас отличный. Жаль только, что горючее жрёт, как свинья – а то бы взлетели, да спрятались за планетой, от вспышек-то...

Эта версия преодоления опасности высказывалась, собственно, первой. На что капитан Майерс резонно возразил, что тогда не хватит горючего на посадку там, дома: они потратили почти всё за долгий рейс. Что же до холодильника... Его на собрании в расчёт не брали. Да и старина Ламми вряд ли пустил бы посторонних в «святая-святых».

Уже развернувшийся к челноку механик вдруг приостановился и оглянулся:

– Александр.

– Что – Александр? – не понял Кнут.

– Меня так зовут. Александр. С такими делами... Мало ли... А так – хоть познакомились наконец.

А ведь верно, снова пожав руку, подумал Кнут – за все три года совместной работы он ни разу не слышал, чтобы дотошного работягу механика кто-нибудь называл по имени.

Пока они глядели в спину удалявшегося Александра, из норы донеслось вежливое покашливание: Моисей ждал, пока они попрощаются, не мешая.

– Приветствую, Моисей. Как видишь, твоему предупреждению вняли только мы.

– Вижу. Не могу не удивиться людской... Беспечности. – транслятор снова долго думал, потом всё же подобрал. Эк-

вивалент слову «глупость».

– Идёмте. Времени мало.

Проход, даже центральный, оказался слишком низок для людей. Им приходилось идти согнувшись почти до пояса. А поскольку нужно было ещё и тащить за лямки канистру Москалёва в рюкзаке, продвигались медленно.

Моисей оглядывался, и Кнут чуял, что только такт сдерживает туземца от того, чтоб поторопить их. Но пока всё же молчал. Поэтому Кнут сам поторапливал Марека:

– Терпи, напарник! Мы должны выжить! Иначе кто расскажет нашим детям о подвиге мудрых отцов?..

Марек, отдуваясь, и перехватывая лямки потеющей ладонью, даже не давал себе труда отвечать на такие плоские шуточки. Только поглядывал вперёд – на темнеющий зев тоннеля, и назад – на отдаляющееся пятно выхода. Туда же невольно поглядывал и Кнут...

Наконец, минут через десять, они вышли во что-то, похожее на большую пещеру.

– Нам – сюда. – Моисей повёл их к лазу чуть шире и выше того, по которому они прибыли.

А лаз-то... Невольно Кнут присвистнул.

Никакой это оказался не лаз. А огромный люк с квадратной массивной дверью – почти как в настоящем подземном банке. Кнут видал много раз документальные фильмы о том, насколько надёжно хранятся все «Национальные Резервы» и прочая валюта.

В толщину дверь превышала добрый шкаф, а уж весила, наверное... пару-тройку тонн. А что больше всего поразило Кнута, так это то, что как только они прошли внутрь, охрана при люке – шесть самцов куда пошире Моисея в плечах, если так можно сказать про ящеров – тоже вошла за ними, и с трудом закрыла люк. После чего защёлкали могучие запоры.

– Ч-чёрт... А Моисей-то наш... похоже, не шутил. – Марек еле говорил, от непривычной нагрузки в шестьдесят с лишним кило он дышал с большим трудом, – Может, передохнём?

Моисей невозмутимо обернулся к спутнику Кнута:

– Простите. Времени на ваше ожидание и так ушло слишком много. У нас впереди ещё две Двери.

– Тогда пошли скорей. – Марек снова перехватил лямки.

Они преодолели пологий спуск, шедший спирально, углубившись на добрый километр. Кнут не мог не заметить, что после люка весь тоннель шёл уже в монолитной скале, похожей на базальт. Впрочем, он не геолог. Их геолог... Предпочёл не заморачиваться.

Почти через каждые тридцать-сорок шагов в недра скалы уводили боковые узкие низкие лазы – только-только пролезть аборигену.

Прошли и второй люк. Ничем он не отличался от первого. Кроме того, что теперь к его тоже шести охранникам, прибавились усилия первых шести.

– Моисей... – Кнут, несмотря на то, что дышалось теперь

и вправду полегче, запыхался и пропотел насквозь, – А там, снаружи... Никого из ваших не останется?

– Нет. У нас даже умирающие старики предпочитают Смерть тому, что происходит с остающимися.

Кнут подумал, что для более подробных расспросов лучше бы ему выбрать время поудобней. Они как могли быстро двинулись дальше.

После успешного преодоления и запечатывания третьей двери Моисей вроде бы расслабился, и заявил:

– Всё в порядке. Мы успели. Теперь идёмте. Я провожу вас в... – снова бульканье и «раздумья» транслятора, – комнату, которую Вожди выделили вам.

Комната оказалась поистине гигантской – с добрый теннисный корт. Кнут подумал, что Моисеевские «Вожди» явно не поскупились. Наверное, не предполагали, что люди окажутся настолько идиотами, что не захотят спастись...

– Вот. Располагайтесь здесь, как вам будет удобно. Если я понадобится, это – коммуникационный колодец. Или позовите, или просто киньте камень. А вот это – санитарное отверстие. – действительно, народ Моисея подумал обо всём.

– Моисей. Я хочу выразить... Тебе и твоему народу, и Вождям... Наше глубочайшее уважение и благодарность. И ещё я хочу, чтобы вы знали: остальные не пришли не потому, что боятся, не верят, или... не уважают вас и вашего предложения. – Кнут чувствовал необходимость как-то сгладить возможное плохое впечатление от отсутствия остальных чле-

нов экипажа.

– Просто... В обществе людей так принято – каждый решает сам за себя. Это называется «свобода личного выбора». Они, например, посчитали, что наш проверенный корабль выдержит ваш... э-э... «Цикл бешеного солнца». Я приношу за них извинения, если этот выбор как-то оскорбляет ваши традиции... Или верования.

– Извинения приняты. Свобода выбора, конечно, есть и у нас. Просто... Вожди не понимают причин, побуждающих разумные, как нам кажется, существа, добровольно решиться на то, что хуже смерти.

– Извини ещё раз, Моисей. Возможно – виноват я. Не смог объяснить всё достаточно убедительно. Аргументировано.

– За это не извиняйся. Твоей вины нет никакой. А насчёт аргументов... Невозможно привести те аргументы, которых сам не понимаешь. Как невозможно понять и то, с чем лично не сталкивался. – Моисей поперебирал лапками. Затем всё же добавил:

– Ну, теперь у всех вас появится такой опыт. У них – свой, у вас двоих – свой. А я покину вас – вам нужно отдохнуть и пополнить нехватку жидкости в организме.

Моисей сделал приветственный жест, и удалился. Кнут подумал, что над процессором транслятора надо бы поработать. Глупо он обозвал термин «попить воды».

Одежда, конечно, пропотела насквозь, но... Одно дело – когда вода снаружи организма, и совсем другое – когда внут-

ри.

Они с Марекком, тщательно сдерживаясь, маленькими глотками выпили по кружке.

После чего выбрали угол «поуютней» и подальше от «санитарного отверстия», и разложили спальники. Надувные матрацы должны неплохо предохранять их зады от холодного камня. Синтипоновые одеяла – от прохладного воздуха пещеры... Но они не мёрзли даже в пропотевших комбинезонах.

Ни влажность, ни непривычные запахи, ни сгустившийся воздух не мешали чувствовать себя... хорошо.

Но вот предохранить их психику от давящих сводов мрачной громады, пусть даже над довольно большой пещерой, не могло ничто.

– Как думаешь, этот чёртов «Цикл»... Закончится за три-четыре дня? – Марек снял шлем с прожектором, и пристроил его на камне так, чтобы луч светил в свод, рассеиваясь тусклым ореолом над ними.

– Думаю, да. Раз их цивилизация как-то выжила до сих пор... Да что – выжила: довольно прилично продвинулась! Здесь явно что-то повыше земного «каменного века».

Думаю, они могут весьма точно определять этот самый Цикл.

– А что там за... червей упоминал этот Моисей?

– Не знаю, Марек. Я просто воспроизвёл на собрании запись с транслятора. Черви, Поток сознания, Преобразова-

ние... С такими делами я никогда прежде не сталкивался. Может, эти черви – обычные мифические объекты религиозного поклонения? Ну, скажем, как наши ангелы. Или демоны...

– Да уж. – Марек сплюнул в сторону «санитарного отверстия», – все прочие аборигены просто хотели нас пристукнуть, а товары отобрать. Выдумкой настолько сложной легенды никто не озаботился... – они вяло похмыкали над бородатой прибауткой.

До сих пор Кнуту встретилось не более трёх более-менее мирных рас туземцев. И это – из доброй сотни населённых, и почти тысячи ненаселённых, посещённых лично им, планет.

С экипажем Майерса он летал всего четыре года. А общий стаж Кнута как космопроходчика составлял почти тридцать стандартных земных лет.

Подумать только: ему – пятьдесят лет, а он...

Фактически там же, где и начал: ни дома, ни семьи, ни денег. И пенсии не будет. Социальные службы не засчитывают в стаж работу на частных звездолётах. Невольно Кнут тоже сплюнул.

Лёжа на спинах, оба теперь задумчиво пялились в потолок пещеры, освещаемый тусклым светом лампочки, выставленной на минимальную яркость – только-только видать стены и... всё то же отверстие. Словно и говорить больше не о чем.

– Кнут. Ты... это ощущаешь? – голос Марека вернул Кну-

та из сонного полубытья, куда тот было начал проваливаться. Невольно он подобрался.

Точно! Что-то в окружающих скалах... Воздухе... Да везде – не так!!!

Словно начал набирать обороты гигантский электромотор, и могучая вибрация на сверхнизких частотах пронзает всё тело... И мотор-то... Идёт в разнос!

– Да, чёрт возьми, чувствую! Чувствую. Будто что-то... вибрирует!

– Вибрирует? М-м-м... Да нет. Я бы сказал, скорее, давит. На затылок и... Ну, на всю голову – словно меня к полу припечатывает такая... Как бы подушка. Надутая воздухом. Только без твёрдой оболочки. – Марек сглотнул, – Ого! Как сейчас толкнуло...

Кнут понял, что началось. И что на каждого действует по-своему.

У него мотор уже набрал такие обороты, что отдавалось в протезах зубов, и закладывало уши... А ещё он явственно слышал удары своего сердца. Вот оно старается прогнать кровь по всему его, такому, оказывается, гигантскому телу! Со всеми тысячами и мириадами капилляров, и клеток...

Бедный насос! Как же ему тяжело приходится! Ведь качать густую и капризную кровь, оказывается, так трудно! А делать это надо всегда: никто не спрашивает у сердца, нравится ли ему его работа, или – не устало ли оно так, словно годы ворочает камни, подобно Сизифу, герою из древнегреческой

мифологии, и нет ни минуты для отдыха, для себя!..

Кнут понял, что каким-то образом он и смотрит на мир как-то изнутри, глазами своего сердца! Правда, у того, вроде, нет глаз.

Но это ему не мешает! Не мешает испытывать все те муки, то колоссальное напряжение, которое вынуждено сердце преодолевать все эти семьдесят с лишним лет, пока он... Пока он... Что – он?

Закричав (крик так и не вырвался наружу!), Кнут попробовал открыть свои глаза – настоящие глаза! Это удалось только со второй попытки. Или... С третьей?..

Чёрт возьми! А он уверен, что удалось-таки?! В-смысле, открыть... Или он ещё внутри... себя?

Ведь это – вовсе не пещера, где они с... С... А, да – с Мареком только что лежали на матрацах! Это, это...

Это колоссальный завод. Ох, и огромное же помещение!.. Но какой, к чертям, завод может быть внутри его же тела?!

Однако вон (он их отлично видит!) – прокатные станы! И из конца в конец могучих махин бегут, грохоча и рассыпая снопы оранжевых искр, пруты раскалённого железа! А вот и молоты – они не переставая бьют по этим прутьям, превращая их в извивающихся красных змей, которые почему-то...

Медленно, но неумолимо движутся к нему. А он – словно прирос к месту! Не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой!.. Да что же это такое!

Вот уже одна такая безглазая круглая змея начала обви-

ваться вокруг его ноги... Другая – заползла под рубашку.

А-а-а!!! О-о-о!!! Больно-то как!!! Жжёт!!! Это что – техногенный...

АД?!!!

Словно огненными тисками сжимает ногу... Грудь. Голову!

Сил нет даже вырываться! Они все ушли в истошный крик, что фиолетовой спиралью вылетает почему-то не только изо рта, а вообще – из всех отверстий тела: ушей, глаз, пупка, ноздрей!..

И Кнут видит, как этот крик оседает на станках, и прессах-молотах, словно какой-то паутиной, сковывая их движение, останавливая раскалённые прутья, и, наконец, укутывая весь чёртов мартеновски-прокатный цех густой и вязкой словно бы лапшой, которая к тому же ещё и покрывается затем чем-то красным – словно кетчупом...

Боль в теле немного отпускает... Он... ещё в цеху?.. Нет! Он – на берегу океана! Вот теперь его зрение словно висит прямо перед телом! А где одежда?..

Он видит, и чувствует себя так, словно дробится на куски! И каждый кусок – живой, ощущает, мыслит, хочет жить!..

А-а, вот в чём дело: это его раздирают на части два гигантских краба – как на планете Махаон-2: волосатые и постукивающие члениками твари!

Вот отделили руки. Ноги. Перекусили тело пополам. Но больно вовсе не так, как когда его одолевали огненные

змеи... А когда это было? Кажется, годы назад...

Что – ЭТО?! Его... желудок? Да – и ещё со всем содержимым, и складками и волосками... Кишки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.